

ЮКИО
МИСИМА

Падение ангела

АЗБУКА-КЛАССИКА

Юкио Мисима
Падение ангела
Серия «Азбука-классика»
Серия «Море изобилия», книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65519437

*Падение ангела: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2021
ISBN 978-5-389-19909-5*

Аннотация

Юкио Мисима – самый знаменитый и читаемый в мире японский писатель. Прославился он в равной степени как своими произведениями во всех мыслимых жанрах (романы, пьесы, рассказы, эссе), так и экстравагантным стилем жизни и смерти (харакири после неудачной попытки монархического переворота). «Падение ангела» – заключительный роман тетралогии «Море изобилия», считающейся вершиной сочинительства Мисимы и своего рода творческим завещанием; это произведение, в котором Мисима, по его словам, «выразил все свои идеи» и после которого ему уже «не о чем было писать». Завершив последний роман тетралогии, он поставил точку и в своей жизни. «Море изобилия» содержит квинтэссенцию собственной эстетической системы Мисимы, сочетающей самурайско-синтоистские элементы с образами европейской античности, влиянием эзотерического

буддизма и даже индуизма. Краеугольным камнем этой эстетики всегда оставалась тема смерти и красоты; герои Мисимы стараются постичь страшную и неопределимую загадку красоты, которая существует вне морали и этики, способная поработить и разрушить человеческую личность. Сюжет «Моря изобилия» основан на идее реинкарнации, последовательно раскрывающейся через историю трагической любви, идеалистического самопожертвования, мистической одержимости, крушения иллюзий. В «Падении ангела» адвокат в отставке Хонда, старый и одинокий, пытается увидеть в шестнадцатилетнем подростке возрождение тайской принцессы Лунный Цветок...

Содержание

1	7
2	13
3	18
4	41
5	46
6	50
7	53
8	79
9	86
10	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

三島由紀夫

Юкио Мисима
Падение ангела

Yukio Mishima

TENNIN GOSUI

Copyright © The Heirs of Yukio Mishima, 1971

All rights reserved

© Е. В. Стругова, перевод, примечания, 2006

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“, 2021

1

Легкий туман над морем придавал что-то таинственное силуэтам далеких кораблей. Сегодня горизонт был более ясным, чем вчера: можно было различить линию гор, высящихся на полуострове Идзу. Гладкая поверхность моря. Сверкающее солнце, редкие облака, синее небо.

Едва заметные волны разбивались о берег. В зелено-коричневом цвете набегавшей на берег волны, как и в морских водорослях, было что-то неприятное.

Монотонное перемешивание массы воды, породившее индийский миф о пахтанье океана молока¹. Мир, пожалуй, не стоит оставлять в покое. В идиллии есть нечто пробуждающее порок.

Сейчас, в мае, по глади моря безостановочно, даже назойливо, сновали блики света, и все море казалось покрытым крошечными бугорками.

В небе кружили три птицы: вот они сблизилась и тотчас же разлетелись. В их поведении была какая-то загадка. Что означал этот синий промежуток, когда одна птица приближалась так, что, наверное, чувствовала дуновение ветра от

¹ Миф о пахтанье океана (молока) – один из известнейших мифов Древней Индии, излагаемый разными источниками, в том числе «Махабхаратой» и «Рамаяной», о том, как боги сбивали океан, чтобы получить напиток бессмертия – амриту.

взмахов крыльев другой, а та, другая, тут же отдалялась. Когда у человека порой возникают три похожие мысли, они тоже движутся подобным образом?

Удалявшееся в море черное грузовое суденышко, имевшее на трубе знак в виде волны, благодаря громоздившимся на палубе надстройкам, казалось сзади величественным и высоким.

В два часа пополудни солнце окуталось легкими облаками. Теперь оно напоминало сверкающий белый кокон.

Закруглявшаяся линия горизонта смотрелась иссиня-черным железным обручем, плотно насаженным на морской пейзаж.

В какой-то точке открытого моря на секунду взметнулось и тут же пропало белое крыло волны. Может быть, в это был заложен какой-то смысл? Возвышенный каприз или очень важный знак. А возможно, ни то ни другое.

Подступал прилив, волны стали выше, суша подверглась их искусному натиску. Облака закрыли солнце, и море приобрело цвет темной зелени. По его поверхности с востока на запад протянулась белая полоса. Она имела форму гигантского полураскрытого веера. В верхней части веера поверхность воды выглядела неровной, а в той части, что составляла стержень этого огромного опахала, была черной, как каркас настоящего веера, и эта чернота смешивалась с глубокой зеленью морской глади.

Вновь засияло солнце. Море безропотно приютило яркий

свет и по воле юго-западного ветра погнало на северо-восток бесчисленные, напоминавшие спины морских львов волны. Но своим перемещением эта неиссякаемая масса воды не способна поглотить сушу, ее прилив строго контролируется силой далекой луны.

Слоистые облака затянули половину неба. Они разрывали на белые полосы сияние солнца.

Появились две рыбацьи лодки, в открытом море двигалось грузовое судно. Ветер был довольно сильным. О своем приближении шумом двигателя заявило еще одно суденышко с рыбаками, подходившее с запада. Маленькое и жалкое, в движении оно выглядело чуть ли не благородно: будто ползло на коленях, волоча полы парадной одежды, скрывавшей его колеса-ноги.

Три часа пополудни. Слоистых облаков стало меньше, похожее на хвост горлицы белое облако, расползавшееся в южной части неба, бросало на море густую тень.

Море... явление без собственного имени, его можно называть только морем, будь оно Средиземным, Японским или бывшим сейчас перед глазами заливом Суруга – все это безымянная, полная, абсолютная анархия, нечто обобщенное с великим трудом и не признающее имен.

Тучи затягивают солнце, и море неожиданно меняет настроение: становится задумчивым, наполняется мелкими зеленовато-коричневыми формами с торчащими в разные стороны углами. Его покрывают колючие волны, словно стебель

розы усеянные шипами. В этих шипах нет пугающей остроты, колючее море кажется гладким.

Три часа десять минут. Теперь кораблей нигде нет.

Странное дело. Огромное пространство становится заброшенным.

В нем даже крылья чайки кажутся черными.

И тут в открытом море возникает призрачный корабль. Вскоре он пропадает на западе.

Полуостров Идзу исчез за легким туманом. Совсем недолго он был видением Идзу. А потом исчез.

Исчез без следа. Пусть он отмечен на карте, но тут его больше нет. И полуостров, и корабль – их существование в равной степени «бессмыслица».

Появляется, а потом исчезает. Чем, собственно, полуостров отличается от корабля?

Видимое существует, и море, пока его не окутал плотный туман, всегда перед тобой. Оно постоянно копит силы для существования.

Один-единственный корабль меняет весь пейзаж.

Появление корабля! Оно перестраивает все. Система бытия дает трещину, она втягивает корабль в глубины моря. В этот момент происходит замена. Мир, существовавший за миг до появления корабля, отброшен. Корабль и явился ради того, чтобы мир, который держится на его отсутствии, прекратил свое существование.

Море бесконечно, каждую секунду меняет оттенки. Плывут

облака. И появляется корабль... Что каждый раз происходит? В чем состоит рождение нового?

* * *

Мгновение за мгновением... и в каждое, возможно, случается то, что превосходит бедствия, приносимые извержением Кракатау², а человек этого не замечает. Мы привыкли к причудам бытия. Существование мира не стоит воспринимать всерьез.

Возникновение формы есть знак непрерывной реконструкции, реорганизации. Это сигнал колокола, который доносится издалека. Появление корабля означает, что колокол возвестил о его существовании. Раздался звон и наполнил все вокруг. Над морем что-то непрерывно вершится. Все время, не смолкая, звонит колокол бытия.

Существование.

Это может быть не корабль, а, допустим, плод лимона, который еще неизвестно когда появится. Достаточно, чтобы пробил колокол его бытия.

Половина четвертого. В заливе Суруга бытие было представлено большим ярко-желтым плодом китайского лимона.

Он то прятался в волнах, то появлялся вновь, то всплывал,

² *Кракатау* – действующий вулкан в Индонезии, расположен в Зондском проливе между островами Суматра и Ява; его извержения и вызванные ими стихийные бедствия приводили к гибели десятков тысяч человек.

то погружался в воду, – казалось, моргает глаз; ярко-желтый цвет все дальше удалялся по линии прибоя к востоку.

Три часа тридцать пять минут пополудни. С запада, со стороны Нагои, появляется черный, унылый силуэт корабля. Солнце, уже укутанное тучами, напоминает копченую кету.

Тору Ясунага отодвинулся от биноккулярной трубы с тридцатикратным увеличением. Никакого намека на грузовое судно «Тэнромару», которое должно прибыть в четыре часа. Тору вернулся к столу, еще раз просмотрел сведения о торговых судах порта Симидзу, данные на сегодняшний день:

45-й год Сёва³ 2 мая (суббота)

прибытие регулярных судов	
заграничной линии	«Тэнромару»
национальная принадлежность	Япония
время прибытия	2 мая 16 часов
судовладелец	морские перевозки
	«Тайсё»
агентство	Судзуи
порт отправки	Иокогама
якорная стоянка пристани	4,5

³ 1970 год.

...Сигэкуни Хонде исполнилось семьдесят шесть лет. Его жена Риэ уже умерла, и, став вдовцом, он теперь часто отправлялся путешествовать. Выбирал места, до которых удобно было добраться, и получал удовольствие от этих не слишком утомительных поездок.

Как-то Хонда случайно оказался в Нихондайре на границе городов Сидзуока и Симидзу: погулял в сосновом бору на песчаной отмели Михо, увидел одно из местных сокровищ – часть платья из перьев, принадлежащего небожителям, которые пришли, по-видимому, из западных земель, а когда возвращался в Сидзуоку, захотел один постоять у моря. По линии Синкансэн каждый час отправлялись по три поезда, так что ничего страшного, если он и пропустит один. От Сидзуоки до Токио было всего полтора часа езды.

Хонда попросил остановить машину, прошел метров пятьдесят по песчаной дороге до морского берега Комагоэ и стал смотреть на море; он думал о далекой старине: наверное, на этот берег и сошли небесные жители – ангелы. С грустью вспомнился морской берег в Камакуре, то были дни его юности, и, утолив душу, он отправился назад. На берегу было затишье – играющие дети да несколько рыбаков.

Когда Хонда только еще шел к морю, то, охваченный возбуждением, он этого как-то не заметил, но на обратном пути

в глаза сразу бросился по-деревенски розовый цвет выюнка, растущего под дамбой. На ее песчаную поверхность морской ветер нагнал всякий мусор. Бутылки из-под кока-колы, консервные банки, пустые банки из-под краски, неистребимые полиэтиленовые пакеты, коробки от стирального порошка, множество черепков, обертки от завтраков...

Земная жизнь выпала здесь в осадок и оказалась лицом к лицу с вечным. С тем вечным, с чем до сих пор не встречалась, – с морем. Словно тот человек, который в самом неприглядном, самом безобразном виде вдруг оказывается лицом к лицу со смертью.

На молодых побегах у редких сосен, росших на дамбе, раскрылись красные, напоминающие морские звезды соцветия, слева от дороги лежало поле редьки, где тянулись ряды грустных белых цветочков с четырьмя лепестками, с обеих сторон вдоль дороги росли небольшие сосны. Недалеко в длинных парниках под полиэтиленовой крышей в тени листьев поникли ягоды созревшей на каменных грядках клубники, по зубчикам листьев ползали мухи. Среди этих неприятно мутных коробок Хонда заметил похожее на башенку строение, на которое прежде не обратил внимания.

У самой дороги, где он оставил машину, возник деревянный двухэтажный домик с белыми стенами, стоявший на странно высоком бетонном основании. Для караульной будки он был слишком высок, для конторы – слишком невзрачен. На первом и втором этажах на три стороны выходили

окна.

Хонда, охваченный любопытством, ступил на песчаную площадку, по-видимому двор, где в беспорядке валялись осколки стекла, преданно отражавшие облака, и белые оконные рамы. Взглянув вверх, он увидел в окне второго этажа круглый объектив, – скорее всего, это была зрительная труба. Из бетонного основания выходили две огромные ржавые трубы, уходившие потом в землю. Преследуемый неясными мыслями, Хонда перешагнул через эти трубы, обогнул строение и поднялся по рушившейся каменной лестнице на первый этаж.

С площадки, где он оказался, дальше в дом вела железная лестница, под ней была прикреплена доска с надписью по-английски:

СИГНАЛЬНАЯ СТАНЦИЯ «ТЭЙКОКУ»

Акционерное общество

Компания «Тэйкоку»,

служба подачи сигналов,

отделение порта в Симидзу

Виды деятельности:

1. Информация о судах, входящих и покидающих порт.
2. Обнаружение и предотвращение бедствий на море.
3. Сигнальная связь «море – суша».
4. Информация о метеоусловиях на море.
5. Встреча и проводы заходящих в порт судов.
6. Прочая деятельность.

Хонде понравилось написанное старым иероглифическим

шрифтом название, снабженное английским вариантом, и то, что знаки, с которых начала облезать белая краска, кое-где стали бледнее. Перечисленные виды деятельности были наполнены запахом моря.

Хонда воззрился на вершину железной лестницы, но в доме царила тишина.

Он оглянулся назад – за шоссе, лежавшим у него под ногами, там и тут сверкали колесики из стрелок, они венчали шесты с развевавшимися фигурами карпов; на северо-востоке от квартала домов, крытых современной синей черепицей, в порту Симидзу все перемешалось: краны, работавшие на берегу, и стрелы судов, белые фабричные склады и черные корпуса кораблей, железные, подставленные соленому ветру и покрытые толстым слоем краски трубы – одни оставались на берегу, другие пришли по морю, и теперь они сошлись в одном месте – порт издали был виден как на ладони. Море в той стороне походило на сверкающую, разорванную на куски змею.

Над горами, лежавшими за портом, выглядывала из-за туч вершина Фудзи. Среди зыбких облаков четко очерченная вершина казалась острой белой глыбой, выступавшей из мягкой пены.

Хонда, удовлетворившись увиденным, отправился к машине.

Фундаментом сигнальной станции служил резервуар для воды.

Сюда насосом закачивали воду из колодца, и она по железным трубам текла орошать грядки в парниках. Компания «Тэйкоку» обратила внимание на высокое бетонное сооружение и поставила на нем деревянную надстройку для сигнальной станции – отсюда раньше, чем из других мест на берегу, можно было заметить появление корабля, шел ли он с запада, из Нагои, или из лежавшей прямо напротив Йокогамы.

Четыре сигнальщика работали посменно по восемь часов, но один из них уже долго болел, поэтому оставшиеся трое стали сменяться через сутки. На первом этаже был кабинет начальника отделения, время от времени начальник приходил с проверкой из конторы в порту, местом работы несущего смену сигнальщика служило небольшое помещение с деревянным полом на втором этаже, где с трех сторон были окна.

Вдоль окон шли встроенные столы, на них были установлены бинокулярные зрительные трубы: в южном направлении смотрела труба с тридцатикратным увеличением, в сторону находившегося на востоке порта – с пятнадцатикратным; на столбе в юго-восточной части комнаты был про-

жектор мощностью один киловатт для передачи сигналов в ночное время суток. Два телефонных аппарата на рабочем столе в юго-западном углу, книжный шкаф, карта, сигнальные флажки, разложенные на высокой полке, кухонька в северо-западном углу и место, где можно вздремнуть, — вот все, что здесь было. За окном, выходящим на восток, стояла металлическая опора высоковольтной линии, белые фарфоровые изоляторы были неотличимы от облаков. Провода спускались в сторону моря, цеплялись за очередную опору, потом, делая крюк на северо-восток, доходили до третьего столба и шли дальше вдоль морского берега к порту Симидзу, опираясь на серебристые башни, которые, удаляясь, постепенно понижались и уменьшались в размерах. Третья металлическая опора, которую было видно из этого окна, служила хорошим ориентиром. Когда подходивший корабль оказывался с ней на одной линии, становилось ясно, что он вошел в акваторию 3G с причалами.

За кораблями и теперь приходилось следить глазами человека. Пока состояние кораблей напрямую зависело от тяжести груза и капризов моря, в них по-прежнему оставалось что-то романтическое, свойственное девятнадцатому веку, что-то от гостя, который приходит на званый ужин то слишком рано, то слишком поздно. Нужен был караульный, который сообщал бы таможене, карантинной службе, лоцману, службе погрузки и разгрузки, поставщикам продуктов и уборщикам точное время, когда им следует приниматься за

дело. На тот случай, если два корабля будут подходить одновременно, а свободным останется только один причал, необходим человек, который бы следил за их приближением и беспристрастно определял порядок швартовки.

Для всего этого и существовала служба, где трудился Тору.

В открытом море показалось довольно крупное судно. Линия горизонта была уже нечеткой, и, чтобы быстро обнаружить появление корабля, нужен был натренированный, быстрый глаз. Тору сразу принял к зрительной трубе.

В середине зимы или лета при ясной погоде можно было уловить тот миг, когда судно, грубо наступив носом на высокий порог линии горизонта, показывалось всем корпусом, но в легкой дымке начала лета появление корабля было всего лишь «намеком на его существование». Вытянутая белая линия горизонта напоминала сбившуюся подушку.

По размерам черное грузовое судно соответствовало «Тэнромару», водоизмещением четыре тысячи восемьдесят тонн. По форме находившейся на корме надстройки оно тоже подходило под описание судна, внесенного в список. Отчетливо были видны белый капитанский мостик и бегущие за кормой пенящиеся волны. Три желтые мачты. А что это за круглый красный знак на черной трубе?.. Тору напряг зрение. Точно, в красном круге начальный иероглиф названия компании морских перевозок «Тайсё». Все это время судно, не снижая скорости двенадцать с половиной узлов, упорно

стремилось вырваться из поля зрения. Словно черная бабочка, которая вылетает из ободка сачка.

Название судна было, однако, не прочитать. Ясно было только, что в нем три иероглифа и первый вроде бы «тэн».

Тору вернулся к столу и позвонил в пароходное агентство.

– Алло, это из сигнальной службы «Тэйкоку». Мимо нас следует «Тэнромару», скажите, пожалуйста, насколько корабль загружен? – (Он представил себе высоту ватерлинии, которая снаружи делит борт на черную и красную части.) – Значит, наполовину? С которого часа разгрузка? С семнадцати часов?

До разгрузки оставался всего один час, поэтому количество телефонных звонков возросло.

Тору, постоянно перемещаясь от стола к зрительной трубе и обратно, сделал целых пятнадцать звонков.

В лоцманскую контору. На буксир «Сюнъёмару». Домой лоцману. В несколько столовых. Уборщикам. В портовую службу транзита. В таможенную. Снова в агентство. В отдел управления портом.

– Прибывает «Тэнромару». Причалы четыре и пять? Спасибо.

«Тэнромару» уже оказался рядом с третьей опорой линии электропередачи. В поле зрения зрительной трубы теперь попадал берег, а дрожавший от жары воздух делал изображение нечетким.

– Алло, «Тэнромару» войдет в акваторию Три-джи.

- Алло, говорит сигнальная служба «Тэйкоку». «Тэнромару» входит в акваторию Три-джи.
- Алло, таможня? Пожалуйста, отдел надзора... «Тэнромару» вошел в акваторию Три-джи.
- Алло, шестнадцать часов пятнадцать минут, «Тэнромару» следует по акватории Три-джи.
- Алло, «Тэнромару» прибыл пять минут назад.

* * *

Вообще, судов типа только что прибывшего в порт, таких, о следовании которых в Симидзу из Иокогамы или Нагои поступали сообщения, по многу приходило в конце месяца, а в начале месяца их почти не было. От Иокогамы до Симидзу было сто пятнадцать морских миль⁴, и судно, имевшее скорость двенадцать узлов, проходило этот путь за девять с половиной часов. Из этого расчета наблюдение можно было начинать за час до предполагаемого прибытия корабля, а в остальное время особой работы не было.

Сегодня, кроме прибывающего в девять часов вечера из Цзилуна⁵ на Тайване судна «Ниттёмару», других судов не ожидалось.

⁴ *Морская миля* – единица расстояния, равная 1852 м; *узел* – единица скорости морских судов, равная одной миле в час.

⁵ *Цзилун* – промышленный город на о. Тайвань, составляющий единый промышленный комплекс со столицей Тайваня г. Тайбэй.

После того как корабль входил в порт и работа Тору была закончена, он всегда чувствовал себя опустошенным. Тогда стоило закурить и поразмышлять.

Вообще-то, курить ему было нельзя. Сначала начальник с неприязнью делал Тору замечания: как это, несовершенно-летний, подросток шестнадцати лет – и курит, но потом перестал что-либо говорить. Он понял, что ему придется смотреть на это сквозь пальцы, – таков характер работы.

У Тору было бледное, будто застывшее в неподвижности, красивое лицо. Холодная душа – ни любви, ни слез.

Но и он знал счастье – оно было в том, чтобы наблюдать. Об этом говорили его глаза. Ничего не создавать, только пристально смотреть на ту невидимую линию горизонта, на ту границу, определить которую можно лишь глазами и за которую проникнет только сознание, – это гораздо большее счастье, чем просто видимый горизонт. И вот в этом наблюдаемом, осознаваемом пространстве являет свои формы бытие. Море, корабли, облака, полуостров, молния, солнце, луна и бесчисленные звезды. Если видеть означает встречу жизни со взором, другими словами, встречу двух проявлений бытия, то, может быть, они напоминают висящие одно против другого зеркала? Нет. Видеть – это значит опередить бытие, видение – это крылья, переносящие нас, точно птицу, в те края, которые никому не удавалось узреть. Там гибнет даже красота – как лохматятся и ветшают волочащиеся полы одежды. А море, на котором никогда не возникнет ко-

рабль, море, не потревоженное бытием, – такие вещи, должно быть, существуют. Они есть, эти места, где сколько ни смотри, сколько ни вглядывайся, так ничего и не увидишь. Там глубокая синь растворяет предметы и сознание, как кислота растворяет окись свинца, а глаза, сбросив кандалы сознания, видят от этого необычайно ясно.

Проникнуть туда взором – именно в этом и состояло счастье. Смотреть – только так Тору мог забыться. Одни глаза, если только он не смотрелся в зеркало, позволяли ему забыть о себе.

И что же он представлял собой?

Этот шестнадцатилетний подросток был уверен, что не принадлежит окружающему миру. Здесь присутствует лишь одна его половина, другая же принадлежит мрачной, глубокой синеве. Значит, в этом мире нет ни правил, ни законов, которым он обязан следовать. Достаточно делать вид, что ты связан законами этого мира. Разве где-нибудь существуют законы для ангелов?

Вот почему жизнь Тору была на удивление легка. Людская бедность, социальные противоречия – все это его абсолютно не трогало. Порой на лице у него возникала легкая улыбка, но она не имела ничего общего с состраданием или с сочувствием. То была неземная улыбка, его отличительный знак – невидимая стрела, которую посылали изогнутые в форме лука губы.

Когда Тору надоедало смотреть на море, он доставал из

ящика стола маленькое зеркало и разглядывал свое лицо. На бледном, с красивым носом лице сияли наполненные глубоким блеском чудные глаза. Тонкие, взлет брови, гладкие, напряженно сжатые губы. И все-таки самым красивым в его лице были глаза. Жаль, что это не могло послужить его самолюбию. Ведь по иронии судьбы самым красивым являлось то, благодаря чему можно было бы удостовериться в том, что он красив.

Длинные ресницы, спокойные глаза и взгляд такой, словно он грезит наяву.

Так или иначе, Тору был избранным, не похожим на других, этот сирота был убежден в собственной чистоте, которая позволяет ему творить любое зло. Отец Тору – капитан грузового судна – погиб в море, сразу после этого умерла мать, поэтому Тору взяла к себе бедная семья дяди. Окончив среднюю школу, он год посещал специальные курсы, получил свидетельство связиста третьего разряда и устроился работать на сигнальную станцию «Тэйкоку».

Тору не знал тех ран, какие обычно наносит бедность, – ран, после которых остается грубый рубец, словно сгусток затвердевшей смолы, что сочтется из дерева всякий раз, когда унижение и гнев пробивают его кору. Кора у Тору с рождения была твердой. То была твердая, толстая кора презрения.

Все было очевидно, все было известно: радость познания была только там, в море, за линией горизонта. Так чему же удивляться? Фальшь, словно белое молоко утреннего тумана.

на, проникла в каждую щель, растеклась повсюду.

Он знал самого себя вдоль и поперек, инспекция была самой тщательной. Все делалось вполне сознательно.

«Вдруг скажи я что-нибудь или поступи неосознанно, под влиянием минутного порыва, и это погубит мир. Мир должен благодарить меня за самосознание. Ведь сознанию нечем гордиться, кроме самоконтроля» – так рассуждал Тору. Случалось, он представлял себя мыслящей водородной бомбой. Во всяком случае, то, что он не просто человек, было для него очевидно.

Тору все время следил за собой, по несколько раз в день мыл руки. Он тщательно намыливал их, долго тер, поэтому они были белые и сухие. В глазах окружающих этот подросток был прямо чистюля.

Но он абсолютно равнодушно относился к беспорядку, который не касался его самого. Некоторые болезненно воспринимают даже мятые чужие брюки. Что же тогда говорить, когда заношенные брюки у политики?..

* * *

Кто-то осторожно постучал во входную дверь на нижнем этаже. Начальник, тот обычно безжалостно, будто крушит хрупкий ящик, пинает плохо пригнанную дверь и шумно поднимается на площадку второго этажа, где снимают обувь. Нет, это не он.

Тору сунул ноги в сандалии, спустился по деревянной лестнице и, обращаясь к розовой тени за рифленным стеклом, сказал, не открывая дверь:

– Нельзя, еще нельзя. Часов до шести может появиться начальник. Поужинай, а потом приходи.

– Да? – Тень по ту сторону двери застыла в раздумье, розовый оттенок на стекле исчез. – Ну, я приду потом. Мне так много нужно рассказать.

– А-а, давай.

Тору сунул за ухо облезший карандаш, который машинально взял с собой, и взбежал по лестнице.

Забыв о недавнем визите, он внимательно смотрел в окно, за которым надвигались сумерки.

Сегодня солнце не должно сесть в облака, однако до захода – в шесть часов тридцать три минуты – еще остается час, море потемнело, а исчезнувший было полуостров Идзу, наоборот, показался, слегка размытый, как на рисунке тушью.

Между парниками, которые виднелись внизу, шли две женщины, корзины у них за спиной были наполнены клубникой. За клубничными плантациями, подернутое металлическим блеском, лежало море.

На грузовом судне водоизмещением пятьсот тонн, которое, экономя на плате за стоянку, поскорее вышло из порта и встало вне его на якорь, неторопливо проводили уборку. Всю вторую половину дня судно оставалось в тени второй опоры линии электропередачи, сейчас уборку, видимо, закончили

и поднимали якорь.

Тору направился в кухоньку, где были маленькая раковина и газовая плитка, разогрел себе на ужин овощи. Пока он этим занимался, раздался еще один телефонный звонок. Из управления сообщили, что пришла официальная телеграмма с «Ниттёмару» – судно прибывает в порт сегодня в двадцать один час.

После ужина, прочитав газету, Тору заметил, что с нетерпением ожидает своего недавнего визитера.

Семь часов десять минут – море уже окуталось ночным мраком, и только белизна парников сопротивляется растительной по земле тьме.

За окном затарахтели моторы. Это из лежащего справа порта в Яйдзу вышли рыбачьи суда и отправились ловить молодь в открытом море против Окицу. Более двадцати суденышек спешили мимо станции, вывесив на видном месте красно-зеленые фонари. Дрожащий свет, скользивший по ночному морю, передавал биение маломощных дизельных двигателей.

Вскоре ночное море напоминало праздник в деревне. Так и видишь толпу людей, которые с фонариками в руках, оглашая воздух шумными криками, движутся к храму. Тору знал, что такие суденышки любят болтать. Наперегонки, мечтая о богатом улове, они спешили по водному коридору, переговариваясь через рупоры и расправляя пахнувшие рыбой мускулы.

В наступившей затем тишине, когда в привычный шум воды вплетались только звуки машин, проезжавших по дороге позади дома, Тору снова слышал стук во входную дверь. Точно, это снова пришла Кинуэ.

Тору спустился по лестнице и открыл дверь. Под висевшим над входом фонарем стояла в кофте персикового цвета Кинуэ. В волосы она воткнула большой белый цветок гардении.

– Прошу, – по-взрослому произнес Тору.

Кинуэ вошла и нехотя, как это сделала бы красивая женщина, улыбнулась. Поднявшись на второй этаж, она положила на стол Тору коробку с шоколадными конфетами:

– Пожалуйста, угощайся.

– Спасибо.

Тору с треском, наполнившим комнату, разорвал целлофан, открыл крышку золотистой прямоугольной коробки, взял конфету и улыбнулся Кинуэ.

Он всегда тщательным образом соблюдал это правило – обращаться с Кинуэ как с красивой женщиной. Кинуэ же села на стул за прожектором в противоположном углу, максимально отдалившись от Тору и всем своим видом показывая, что в любой момент может сбежать вниз по лестнице и удрать.

Когда наблюдатель смотрел в зрительную трубу, освещение в комнате гасили, но обычно на потолке горела лампа дневного света, слишком яркая для такого помещения, и бе-

лый цветок в волосах Кинуэ сиял влажным блеском. При таком свете уродство Кинуэ было особенно заметно.

Это уродство чувствовал любой, кто видел ее. Она была не просто некрасивой женщиной с обычным, заурядным лицом, которое может показаться красивым, если к нему приглядеться, или на котором отражается красота души, – тут, как ни смотри, было одно уродство. Это уродство являлось своего рода даром: ни одна женщина не могла быть столь совершенно безобразна.

Несмотря на это, Кинуэ постоянно сокрушалась по поводу того, что слишком красива.

– Ты еще ладно, – произнесла Кинуэ и тут же забеспокоилась, что из-под короткой юбки у нее выглядывают колени, она как могла поджала их и обеими руками стала натягивать на них подол юбки. – Ты еще ладно. Ты единственный джентльмен, который не тянет ко мне руки. Но ты все-таки мужчина и этого не понимаешь. Я тебе часто говорила. Протянешь руки, и я больше не буду приходить в гости, не стану тебе ничего рассказывать, все отношения будут разорваны. Клянешься, что никогда этого не сделаешь?

– Клянусь.

Тору поднял руку, выставив ладонь. С Кинуэ все нужно было делать самым серьезным образом.

Перед тем как начать рассказ, она обязательно заставляла Тору приносить такую клятву.

Тору дал клятву, и Кинуэ сразу успокоилась: пропали по-

стоянно преследовавшие ее тревога и озабоченность и даже поза, в какой она сидела на стуле, стала более расслабленной. Словно хрупкую вещь, она тронула цветок в волосах. Послала Тору улыбку и, сделав неожиданно глубокий вдох, заговорила:

– Я так несчастна. Я хочу умереть. Мужчины совсем не понимают, какое это несчастье для женщины – родиться красивой. Красоту никто не уважает, у мужчин, которые на меня смотрят, возникают гадкие чувства. Мужчина ведь дикий зверь. Не будь я так красива, я бы больше уважала мужчин. Любой мужчина, взглянув на меня, превращается в зверя – ну разве можно их уважать? Это самое оскорбительное для женщины – когда ее красота вызывает у мужчины непристойные желания. Мне просто неприятно выходить из дому. Мужчины, которые мне встречаются, все до одного похожи на собак: у них течет слюна. Я, ничего не подозревая, иду себе спокойно по улице, а в глазах встречных мужчин постоянно вижу блеск, будто они кричат: «Хочу эту девушку! Хочу эту девушку!» – прямо кипят от буйной страсти. Я безумно устаю уже от этого. И сегодня в автобусе со мной заигрывали. Так обидно, так обидно...

Тут Кинуэ достала из кармана кофты носовой платок в мелкий цветочек и изящно приложила его к глазам.

– В автобусе рядом со мной сидел симпатичный молодой человек, наверное из Токио, с большой сумкой на коленях. У него еще на голове была шапка, какую носят альпинисты.

Я посмотрела, а в профиль он прямо вылитый (Кинуэ назвала имя модного певца). Он все поглядывал на меня, я сразу подумала: «Вот, опять началось», а потом опустил одну руку – ею он держал сумку из мягкой белой, как дохлый кролик, кожи, просунул ее под дно сумки и незаметно коснулся моего бедра. И этот туда же. Я сказала «бедра», но на самом деле значительно выше. Вот тут. Конечно, я испугалась. Приличный на вид, симпатичный молодой человек, поэтому мне стало еще более стыдно. Я вскрикнула, вскочила с места. Другие пассажиры удивились, а у меня сердце стучит, сказать ничего не могу. Одна женщина так заботливо спрашивает: «Что случилось?» Я уже хотела сказать: «Вот этот человек со мной заигрывает», но, увидев, что он опустил глаза и покраснел, подумала: «Ладно» – и не смогла сказать правду. Хоть и не обязана была покрывать его. Я соврала: «Какая-то кнопка впиалась сзади, на том месте опасно сидеть»; все тут стали осматривать зеленую подушку сиденья, с которого я вскочила. Кто-то сказал, что следует написать в автобусную компанию, но я ответила: «Да ладно. Я сейчас выхожу» – и вышла из автобуса. Когда он тронулся, мое место так и осталось свободным. Никто не захотел сесть на это страшное место. Только черные волосы молодого человека, падавшие из-под шапочки, сверкали рядом на солнце. Вот что я хотела рассказать. Я думаю, что поступила хорошо, не обидев человека. Пусть я одна пострадала. Такова уж у красивых людей судьба. Нам суждено терпеть обиды, скрывать их в душе

и уносить тайны с собой в могилу. Женщина с прекрасным лицом – да она как святая! Я рассказываю это только тебе. Ты ведь сохранишь тайну.

Окружающее нас уродство, жалкое положение людей – все это по-настоящему понимают только красивые женщины, они видят это в устремленных на них глазах мужчин. – (Кинуэ произнесла «красивые женщины» так, будто выплюнула эти слова.) – Их жизнь – ад. Судьба красавиц – молча улыбаться в ответ на непристойное желание мужчин и вульгарную ревность женщин. Какое же это несчастье! Никто не понимает моих страданий. Это несчастье может понять только такая же красивая женщина, как я, нет никого, кто бы мне посочувствовал. Меня просто мутит, когда кто-нибудь из женщин говорит мне: «Какое, наверное, счастье быть такой красивой!» Они ну никак не могут понять несчастье избранных. Им не постигнуть одиночества драгоценного камня. Бриллиант постоянно алчут презренные деньги, меня – низкая похоть. Если бы люди действительно знали, насколько тяжело быть красивой, то обанкротились бы все заведения, делающие пластические операции. От красоты выигрывают только те, у кого ее нет. Разве не так?

Тору слушал ее, перекатывая в ладонях зеленый карандаш.

Кинуэ была дочерью крупного местного землевладельца, после несчастной любви у нее случилось помутнение рассудка, и она полгода провела в психиатрической лечебни-

це. Симптомы были довольно странными – какое-то упоение меланхолией, в дальнейшем сильных приступов уже не возникало, вместо этого Кинуэ убедила себя, что она самая красивая в мире, и на этом успокоилась.

В припадке Кинуэ разбила зеркала, которые доставляли ей огорчение, и ушла в мир без зеркал. Реальность стала для нее гибкой: она имела возможность видеть только то, что хотела, и не видеть того, чего не хотела, с легкостью могла, не думая об опасности, вести какой-то особый образ жизни, за который когда-нибудь ей придется дорого заплатить.

После того как Кинуэ выбросила в мусорный ящик старые игрушки – прежнее самосознание, – она создала себе другое, очень чувствительное, и, поместив его, словно искусственное сердце, внутрь себя, заставила приняться за работу. Ее мир был прочен, как алмаз, и никто не смел посягнуть на него. Кинуэ, построив свой мир, достигла полного, по ее понятиям, счастья – стала во всех отношениях несчастной.

Скорее всего, болезнь Кинуэ развилась оттого, что мужчина, в которого она была безответно влюблена, грубо посмеялся над ее уродством. В этот миг Кинуэ и увидела свой жизненный путь, единственный свет в этом узком ущелье. Если не изменить лицо, надо изменить мир. Она сама, своими руками сделает себе пластическую операцию, тайну которой знает лишь она: стоит только вывернуть наружу душу, как из безобразной серой раковины явится на свет сияющая жемчужина.

Подобно тому как преследуемый воин находит путь к спасению, Кинуэ, обнаружив в своем мире ситуации, в которых все складывалось не так, как ей бы хотелось, вывернула мир наизнанку. Это была революция. Хитрость, состоявшая в том, что вещи, которых Кинуэ всем сердцем желала, достались ей в виде печальной судьбы...

Тору, вытянув длинные ноги в джинсах и свободно откинувшись на спинку стула, слушал Кинуэ, привычно затягиваясь сигаретой. В ее рассказе для него не было ничего нового, но он был слушателем, который не даст рассказчику заметить, что ему скучно. Кинуэ очень чутко воспринимала реакцию слушателя.

Тору никогда не смеялся над Кинуэ, как это делали в округе. Потому она и приходила к нему. Он испытывал к этой безобразной сумасшедшей, которая была старше его на пять лет, что-то вроде братской любви. Во всяком случае, ему нравились люди, не воспринимавшие этот мир как нечто незыблемое.

Оба обладали твердой душой: эта твердость, которая у одной поддерживалась безумием, у другого – самосознанием, была одного свойства, и они не способны были ранить друг друга. Можно было не опасаться, что общение душ приведет к соприкосновению тел. И тут Кинуэ совсем ослабила бдительность, но, когда Тору вдруг вскочил со стула и в несколько шагов очутился возле нее, она с криком бросилась к двери.

Тору спешил к зрительной трубе. Прильнув к окулярам, он махнул назад рукой:

– У меня работа. Уходи.

– Ах, извини, я не то подумала. Я верю, что ты другой, но в последнюю минуту решила, что ты такой же, как тот мужчина. Прости меня. Я все время попадаю в беду, поэтому, стоит мужчине неожиданно вскочить, сразу думаю: «Ну вот, опять будет приставать». Извини. Ты ведь представляешь, каково мне – я все время должна быть начеку.

– Хорошо, уходи. Я занят.

– Ухожу. Послушай...

– Что еще? – спросил Тору, не отрываясь от трубы и чувствуя за спиной, как Кинуэ топчется там, где снимают обувь.

– Я... я очень тебя уважаю... Ну пока, до свидания.

– До свидания.

Тору, прислушиваясь к мелким шажкам по деревянной лестнице и стуку двери, следил за огнями во мраке.

Слушая рассказ Кинуэ, он поглядывал в окно и заметил признаки появления корабля. У горизонта собирались тучи, но когда на западе Идзу, где-то в районе Тои, по вершинам и подножию гор рассеялся свет и, смешавшись с огнями рыбачьих судов, вышедших в открытое море, намекнул о приближении корабля, Тору ощутил крошечное изменение: казалось, в темноте упала капелька света.

До прибытия «Ниттёмару», которого ждали в девять вечера, оставался почти час. Но когда речь идет о кораблях,

полагаться на ожидание не стоит.

В зрительную трубу были видны огни судна – они двигались в ночном мраке, словно там ползла гусеница. Маленькая точка света раздвоилась. Корабль сменил направление, и стали видны огни на мачтах. Через некоторое время корабль определил курс и расстояние между мачтовыми огнями стало постоянным. По этому расстоянию и огню на капитанском мостике было ясно, что это не рыбацье судно водоизмещением несколько сот тонн, а «Ниттёмару», водоизмещение которого составляло более четырех тысяч двухсот тонн. Тору умел на глаз по расстоянию между топовыми огнями определять размеры судна.

В трубу было видно, что других огней на море нет. Через какое-то время этот свет перестал смешиваться с далекими огнями на Идзу и огнями рыбацких судов. По темной морской глади ползло что-то большое и черное.

Скоро оно неотвратимо, как смерть, надвинется на отражавшиеся в воде огни понтонного моста. Когда в ночи свет топовых и красный свет бортового огня четко обрисовали силуэт грузового судна, напоминавшего сложный старинный музыкальный инструмент, Тору взялся за прожектор и ручкой отрегулировал направление света. Если световой сигнал послать слишком рано, с корабля его не заметят. При этом, если переусердствовать с настройкой, свет может не дойти до корабля, так как дорогу ему преградит столб в юго-восточной части помещения. Сложно рассчитать направление

и скорость ответа, поэтому определить нужное время не так-то просто.

Тору включил прожектор. Из щелей старого механизма на руки сочился слабый свет. В круге света появился корабль, выхваченный из ночного мрака.

Тору, двигая шторку прожектора, послал три раза первый сигнал: вспышки словно пропели: «Та-та-тата, та-та-тата, та-та-тата». Ответа не было. Он повторил снова. С другой стороны освещенного огнями понтонного моста будто просочился ручеек света – ответили.

В такие минуты Тору ощущал свет в тяжести ручек, которыми он двигал шторку. Он просигналил: «Название корабля?»

Ему ответили длинной вспышкой, что сигнал понят, а потом быстрым миганием света передали название корабля. Черета вспышек читалась как «Ниттёмару».

Длинные и короткие вспышки света беспокойно плясали во мраке, и казалось, что в самом центре спокойных огней один луч обезумел от радости. Его голос, вызывавший изда- лека с ночного моря, походил на голос только что бывшей здесь безумной девушки. Не тот металлический голос, не печальный, но отмеченный грустью, все время вызывающий к счастью... Голос всего лишь сообщил название корабля, но мнящийся свет каждой вспышкой передавал биение пульса, хаос разбушевавшихся чувств.

Наверное, на «Ниттёмару» световые сигналы подает вто-

рой помощник капитана, он же следит за сигналами с берега. Тору представил себе, что чувствует этот моряк, возвращаясь домой. В светлом помещении, заполненном запахом белой краски, в блеске латуни компаса и штурвала витает дух усталости от дальних странствий и воспоминания об оставленном на юге солнце. Возвращение корабля, потрепанного соленым ветром, измотанного грузом. Профессиональные, быстрые движения рук мужественного второго помощника, управляющего прожектором, горящее в его глазах чувство, с каким он возвращается домой. Два одиноких, разделенных ночным морем пространства оказались связаны. И когда эта связь установилась, уверенность в том, что по ту сторону тьмы есть человеческая душа, возникла в ночи над морем, будто сияющий дух.

К берегу корабль пристанет завтра, сегодняшнюю ночь ему придется прождать на рейде акватории 3G. Карантинная служба после пяти вечера не работает, теперь уже завтра, с семи утра. Тору отметил время, когда «Ниттёмару» прошел мимо третьей опоры. Потом, когда начнутся переговоры, упоминание о времени позволит избежать недоразумений при решении очередности швартовки.

– Прибудет, как всегда, раньше времени, – сказал сам себе Тору.

У него была привычка порой разговаривать с собой.

Было уже половина девятого. Ветер стих, море успокоилось.

Часов в десять, чтобы взбодриться, Тору спустился вниз и вышел на улицу глотнуть свежего воздуха.

По дороге внизу сновали машины, на северо-востоке в Симидзу возбужденно мигали огни в районе порта. Чернела гора Удодзан, которая поглотила закатившееся после ясного дня солнце. Отчетливо были слышны пьяные голоса, горлавившие песню возле одного из доков.

Тору вернулся в комнату, включил радио. Он собирался послушать прогноз погоды. Прогноз был неважным: дождь, волнение на море. Потом были новости. Радио сообщило, что действия американской армии в Камбодже сделали невозможным восстановление до октября больниц, пунктов снабжения армии и штаба Фронта освобождения.

Половина одиннадцатого.

Обзор становился все хуже, огни полуострова Идзу пропали. Тору сонно подумал, что это все-таки лучше, чем яркая лунная ночь. В лунную ночь поверхность моря переменчиво сияет, и в этом свете трудно различить топовые огни приближающегося корабля.

Тору поставил будильник на половину второго и лег в маленькой комнатке поспать.

...Примерно в это же время Хонда в своем доме видел сон.

Устав от путешествия, он рано лег и сразу уснул, и сон его, скорее всего под влиянием дневных впечатлений, был связан с ангелами.

В небе над сосновым бором в Михо летали ангелы, и не один, а целый сонм ангелов. Среди них были и мужчины, и женщины. Сведения, почерпнутые Хондой из буддийских книг, предстали живой картиной.

«Оказывается, написанное было правдой». Хонда даже во сне ощутил, как его охватила радость.

Ангелами называют существ, которые живут на шести небесах⁶ мира желаний⁷ и в мире форм (особенно известны небеса мира желаний), и Хонда, увидев, как ангелы из его сна, мужчины и женщины, флиртуют друг с другом, поду-

⁶ *Шесть небес* – в отечественных исследованиях по буддологии описываются как шесть небес мира желаний: Небо Четырех царей, Небо Тори, Небо Ямы, Небо Тосацу, Небо «олицетворенной радости», Небо, где «чужое становится своим».

⁷ *Мир желаний, мир форм* – пространственные миры в древнеиндийской буддийской космологии. Мир желаний, образуемый адом, земным пространством и шестью небесами, является самым нижним. Его обитатели, обладающие телом и сознанием, в отличие от обитателей других миров, имеют пять желаний. Над миром желаний находится мир форм – обитель богов, обладающих телом и сознанием, но не имеющих пяти желаний.

мал, что уж они-то из мира, которым движут страсти.

Семь цветов – огненный, золотой, синий, красный, белый, желтый и черный – расцветивали их тела, и казалось, что вокруг летают огромные колибри с радужными крыльями.

Синие волосы, белые, сверкающие в улыбке зубы, нежнейшее тело, пристальный, немигающий взгляд и сама чистота...

Ангелы мира желаний общаются постоянно, но свои чувства они выражают по-разному: на небе Ямы мужчина и женщина могут только держаться за руки, на небе Тосоцу с дворцами богов и бодхисатв – любить друг друга в душе, на небе «олицетворенной радости» – только смотреть друг на друга, на небе, «где чужое становится своим», – только беседовать.

Паломничество ангелов в небо над сосновым бором в Михо, которое видел во сне Хонда, напоминало радостную встречу. Тут разбрасывали цветы, звучала нежная музыка, струился тонкий аромат – Хонда был просто очарован этим удивительным, доселе невиданным зрелищем.

Но Хонда знал, что эти ангелы – живые существа и им не избежать цепи возродений.

Ночь как ясный день, днем – звезды, мерцающие в небесной вышине, и тонкий серп луны. Людей вокруг нет, и если Хонда – единственный, кто это видит, значит его послало сюда Провидение.

Буддийское учение гласит: «Мужские особи ангелов появляются из колена сынов неба, женские – из лона богинь,

они знают о своих прошлых рождениях и питаются небесным нектаром».

Пока Хонда следил за полетом ангелов, один, словно дразня его, пролетел опасно близко, едва не коснувшись носа Хонды пальцами ног. Хонда взглянул на обладателя ослепительно-белых пальцев и увидел обращенное к нему смеющееся лицо Йинг Тянь с венком цветов на голове.

Ангелы, кружась вокруг Хонды, спускались все ближе к линии прибоя, к песчаным дюнам, проскальзывали под ветвями мрачных сосен. Порой взгляд Хонды не мог охватить их всех, от непрерывного мелькания у него темнело в глазах. Дождем сыпались белые цветы лотоса. Звучали флейты, струны, эхо барабанов. И среди этих звуков плыли по воздуху раздуваемые ветром синие волосы, полы одежды, рукава, тонкий шелк, спадающий от плеча к запястью. Перед глазами мелькали то гладкий белый живот, то ступня, удалявшаяся, чтобы рассечь небо. Окруженные радужным сиянием чудные белые руки, будто желая схватить, касались всего, что попадалось на глаза их владельцу. И в этот миг меж мягко разведенными пальцами появлялась луна. Набрав воздуха в полную, пропитанную небесными благовониями белую грудь, ангел вдруг взмывал к небу. Плавные линии талии и бедер повторяли очертания разбросанных по небу облаков. И пара зорких, немигающих черных глаз под белым, отмеченным печалью челом. Когда ангелы спускались к земле вниз головой, в их глазах отражались звезды.

Среди множества лиц Хонда заметил лицо Киёаки и полное достоинства лицо Исао. Он старался проследить за ними взглядом, но те терялись в бесконечном сиянии цветов, ангелы перемещались, пусть медленно, но не останавливаясь ни на секунду, и дорогие лица вдруг исчезли.

Хонда посмотрел туда, где только что было лицо Йинг Тянь, он надеялся: а что, если на небесах мира желаний время течет по-иному и мир прошлого возникнет одновременно и в том же месте, что и мир настоящего? Забавляясь, ангелы соединялись в круг, но он тотчас рассыпался, и возник новый.

Понятно, в этих сновидениях только сосны были из реального мира – их иглы Хонда видел в деталях, он ощущал даже грубость ствола, о который оперся рукой.

В конце концов Хонде стало надоедать это бесконечное, утомительное движение. Когда-то он уже испытал подобное, подглядывая в том парке из тени толстых криптомерий за парочками. Парк унижений. Сигналы машин в ночи. Все это и сейчас стоит перед глазами. Самое святое и самое грязное – они ничем не отличаются. То, что он видит, – это то же самое... Совсем одно и то же. В невыразимом отчаянии Хонда, словно купальщик, который, обрывая опутавшие тело водоросли, выбирается из моря на сушу, содрал с себя сон и открыл глаза.

...У изголовья в коробке для всякой мелочи слабо тикали наручные часы. Он зажег лампочку и взглянул на время –

еще половина второго ночи.

Хонда почувствовал, что до рассвета он больше не уснет.

Разбуженный звонком будильника, Тору по привычке тщательно вымыл руки, а потом уже посмотрел в биноккулярную зрительную трубу.

Было тепло, и белые наглазники вокруг окуляров неприятно отсырели. Тору немного отстранился и смотрел так, чтобы не касаться их ресницами. Ничего не видно.

Тору встал в половине второго на тот случай, если судно «Дзуйунмару», которое должно прибыть в три часа ночи, подойдет раньше. Он несколько раз смотрел в трубу, но никаких признаков корабля не было, а между тем на море с двух часов царило оживление: слева спешили, обгоняя друг друга и подняв на мачту фонари, рыбацьи суденышки. Скоро море стало напоминать базар, где торгуют физалисом – «китайскими фонариками». Суда, ловившие молодь в море против Окицу, торопились вернуться в Яйдзу, чтобы успеть к утреннему базару.

Тору достал из коробки конфету, положил ее в рот и отправился в кухню готовить себе на поздний ужин рамен. Его настиг телефонный звонок. С сигнальной станции в Иокогаме сообщили, что ожидаемый в три часа «Дзуйунмару» опаздывает и прибудет около четырех утра. Не стоило вставать так рано. На Тору напала зевота. Зевки словно поднимались из груди.

В половине четвертого корабля еще не было, и все больше клонило в сон. Чтобы прогнать его холодным воздухом, Тору спустился по лестнице, вышел на улицу и глубоко вздохнул. Время выйти луне, но небо затянуто тучами, звезд не видно, только ряды красных лампочек горели на запасных лестницах в жилом квартале, расположенном поблизости, да скопление ярких огней в далеком порту Симидзу. Где-то осторожно заквакала лягушка, пение петуха возвестило о первых признаках укутанного холодом рассвета. Тучи на севере слегка посветлели.

Тору вернулся в помещение, и, когда без пяти четыре он наконец увидел силуэт «Дзуйунмару», сон как рукой сняло. В утренних сумерках парники, где зрела клубника, казались завесой дождя. Определить корабль оказалось просто. Тору прожектором послал сигнал в направлении красного бортового огня, и ответ подтвердил название судна. Вместе с утренней зарей «Дзуйунмару» торжественно входил в акваторию 3G.

Половина пятого – верхняя кромка облаков на востоке порозовела. Четко обозначилась граница воды и суши, стали различимы и цвет воды, и блики судовых огней на ее поверхности – все заняло свое место.

Пока Тору, забавляясь, писал при слабом свете на бумаге название корабля, с каждой минутой становилось светлее, и, подняв глаза, он неожиданно ясно увидел волны.

Сегодня солнце должно взойти в четыре часа пятьдесят

четыре минуты. За десять минут до этого Тору распахнул окна с восточной стороны, чтобы увидеть чудо рассвета.

Солнце еще не появилось, в том месте, откуда оно должно было подняться, лежали складками, будто опираясь на низкую горную цепь, ровные облака. Выше плыли розовые облака с бледно-голубыми просветами, а ниже громоздились серые тучи. И вся цепь облаков, сплошь облитая нежно-розовым цветом, будто благоухала. Можно было представить даже дома, разбросанные у подножия этой облачной горы, Тору просто видел ту призрачную землю, где раскрываются розовые бутоны.

«Я сам оттуда, – подумал Тору. – Из призрачной страны. Оттуда, откуда смотрит рассветное небо».

Подул холодный утренний ветер, деревья внизу сделались ярко-зелеными. В лучах утренней зари резко выделялись своей белизной фарфоровые изоляторы на опорах линии электропередачи. Уходящие на восток провода исчезали где-то там, где восходит солнце. Но солнце не появилось. В положенное время вместо алого цвета, поглощенного и рассеянного синими тучами, по небу рассыпались облака, сверкавшие, словно шелковые нити, а светило не вышло.

Явление солнца произошло уже после пяти часов утра.

Из просветов в тучах цвета размытой черной туши, заслонивших горизонт, как раз в районе второй опоры, на секунду выглянуло печальное, будто заходящее, карминного цвета солнце. Оно было почти скрыто облаками, а видимая часть

имела форму сверкавших губ. И скоро меж облаками возникла холодная улыбка тонких, ироничных губ, покрытых карминной помадой. Они становились все тоньше, все ярче и потом исчезли, одарив мир невероятной усмешкой. А небесная высь наполнилась неярким светом.

В шесть утра, когда подошел еще один сухогруз с цинковым листом, солнечный круг, который просвечивал сквозь облака, посылал свои лучи уже с недостижимой высоты. Свет стал ярче, и море на востоке засияло, словно пояс из золотой парчи.

Тору позвонил домой лоцману и на буксирное судно:

– Алло, доброе утро. Я по поводу прибывающих судов. «Ниттёмару» и «Дзуйунмару» входят в порт.

– Алло, господин Китафудзи, «Ниттёмару» и «Дзуйунмару» входят в порт. Да. «Дзуйунмару», четыре часа двадцать минут, следует по акватории Три-джи...

В девять утра пришла смена. Тору, оставив коробку конфет сменщику, покинул рабочее место. Прогноз погоды не оправдался: небо очистилось, стало ясно. Пока он ждал автобуса, лучи солнца просто слепили уставшие глаза.

Дорога, которая вела к железнодорожной станции Сакурабаси, была насыпана на сплошь находившихся здесь когда-то рисовых полях, это была широкая автобусная магистраль, как где-нибудь в американской деревне: на ровном месте, образовавшемся после продажи отдельных участков, вдоль дороги были разбросаны безвкусные магазины. Тору вышел из автобуса, свернул налево, перешел через маленькую речушку и подошел к дому, где он жил в квартире на втором этаже.

Поднявшись по лестнице с синеватыми дождевыми потеками, Тору открыл дверь комнаты, выходявшей на площадку второго этажа. Ставни были закрыты, и в тщательно убранной комнатке царил полумрак. Вместе с кухней она составляла около десяти квадратных метров. Перед тем как открыть ставни, Тору прошел в ванную и пустил воду. Пусть и крошечная, ванна была с газовым водонагревателем. Ожидая, пока вода станет теплее, Тору, только и умевший, что смотреть, хотя и устал от этого занятия, все равно свесился из окна, выходявшего на северо-запад, и принялся на-

блюдовать за оживлением, царившим воскресным утром в новых домах за мандариновой плантацией. Лаяли собаки. С мандариновых деревьев взлетали воробьи. На веранде с южной стороны мужчина, наконец-то построивший собственный дом, откинувшись в плетеном кресле, читал газету. В доме мелькала фигура женщины в фартуке. Новой черепицей кричаще-синего цвета сияла крыша. Доносившиеся оттуда голоса детей напоминали россыпь сверкавших осколков стекла.

Тору любил наблюдать за жизнью людей, он чувствовал себя как в зоопарке. Ванна нагрелась⁸. По привычке утром после работы Тору не спеша принимал ванну и тщательно мылся. По-настоящему он еще не брился. Ему достаточно было раз в неделю сбрить пушок.

Тору разделся, прошуршал по бамбуковой подстилке и сразу, не моясь, прыгнул прямо в ванну. Он знал, какая температура воды ему нужна, сейчас она была именно такой. Согревшись, он не торопясь вымылся рядом с ванной. Когда Тору недосыпал и уставал, его лицо начинало лосниться, под мышками выступал пот, поэтому сейчас он, обильно намылившись, тщательно тер подмышки.

Яркий свет из окна скользнул по поднятой руке, Тору мельком взглянул на освещенное, спрятанное сейчас под мыльной пеной место на боку слева от груди и улыбнулся.

⁸ *Ванна нагрелась.* – Японская ванна традиционно использовалась как емкость, где согревают тело, поэтому мылом мылись вне ванны.

ся. Там у него с рождения были три родинки, напоминавшие скопление Плеяды. Тору считал их знаком того, что когда-нибудь ему представится невиданный шанс и он воспользуется милостью судьбы.

Хонда и Кэйко Хисамацу в старости по-настоящему сдружились: Хонду и шестидесятисемилетнюю Кэйко, где бы они ни появлялись, считали хорошей, благополучной парой, они встречались каждые три дня и совсем не наскучили друг другу. Они по-дружески интересовались друг у друга уровнем холестерина, постоянно беспокоились по поводу рака и были объектом насмешек врачей. К врачам оба относились с подозрением и часто меняли клиники. Хонда и Кэйко также сходились в том, что не любили тратиться на ненужные вещи, и каждый гордился тем, что прекрасно знает психологию другого.

Даже раздражаясь, они были способны удержаться от ссоры. Если один без причины сердился, то другой, чтобы не быть задетым, смотрел на это объективно, с чувством собственного достоинства. У обоих было неважно с памятью, но когда кто-то из них забывал сказанное или говорил прямо противоположное только что сказанному, другой не смеялся над ним, понимая, что у самого те же проблемы.

События последних десяти, а то и двадцати лет слабо держались у них в памяти, однако чьи-то родственные отношения, например по линии жены, сведения, уходившие в далекое прошлое, хранились в памяти каждого прямо как в деловом справочнике, факты были один точнее другого. Часто

бывало, что одновременно, не слушая собеседника, каждый произносил свой монолог.

– Отец этого Сути, – начинал свой рассказ Хонда, – основал когда-то под своим именем компанию полимеров, теперь это «Японские полимеры», он взял жену из старого рода Хондзи в своих родных местах, но сразу развелся; его жена вернула себе фамилию Хондзи и вскоре снова вышла замуж за троюродного брата, назло бывшему мужу она купила у него под носом в Каготё, что в районе Коисикава, усадьбу, об этой усадьбе идет дурная слава: то ли там колодцы плохо расположены, то ли еще что; тогда она была известна благодаря мастеру Хакурё... По указанию этого Хакурё на его земле построили храм Инари⁹, и тот собирал множество паломников, он просуществовал только до воздушных налетов...

Или рассказывала Кэйко:

– Она была внебрачным ребенком, сводной сестрой виконта Мацудайра, но влюбилась в итальянского певца, и ее изгнали из семьи, она поехала за этим итальянцем в Неаполь, там он ее бросил, газеты потом писали о ее самоубийстве. Двоюродная сестра жены барона Сисидо, который приходился ей дядей, вышла замуж и попала в семью Савадо, она родила близнецов, и эти близнецы в двадцать лет один за другим погибли в автомобильных катастрофах, эта история еще стала основой сюжета известного произведения «Семя печали».

⁹ Инари – бог риса.

Собеседник никогда не слушал эти бесконечные истории о родственных связях, но это не имело ровно никакого значения. По крайней мере, это было лучше, чем если бы тебя выслушивали со скучающим видом.

Для Хонды и Кэйко старость была своего рода общей болезнью, про которую другие не должны были знать. Это было мудро: найти подходящего собеседника, с которым можно было, испытывая удовольствие, говорить о собственной болезни. Их отношения были не похожи на те, что обычно существуют между мужчиной и женщиной, поэтому Кэйко не нужно было молодиться или пускаться в ход чары.

Внимание к излишним подробностям, подозрительность, ненависть к молодости, постоянный интерес к мелочам, страх перед смертью, докучливая преданность, проявлявшаяся в назойливой заботе и постоянном беспокойстве, – все это каждый видел в другом, только не у себя. И каждый был полон самонадеянности, граничившей с упрямством.

Оба снисходительно относились к молодым девушкам, но молодых людей не щадили. Их любимым занятием было критиковать молодых людей: ни члены Всеяпонского студенческого союза, ни хиппи не избежали осуждения. Их раздражала сама молодость – гладкость кожи, густые черные волосы, мечтательный взгляд. «Мужчине непростительно быть молодым», – часто повторяла Кэйко, и Хонде это доставляло удовольствие.

Они никак не хотели смириться со старостью, с которой

вынуждены были жить бок о бок, и видели друг в друге убежище от правды жизни. Их близость была не в совместном существовании, а в том, чтобы, столкнувшись, скорее поселиться в доме другого. Обменяться пустыми домами, поспешно закрыть за собой дверь. И облегченно вздохнуть от того, что ты там оказался в одиночестве.

Кэйко считала, что, дружа с Хондой, она выполняет последнюю волю Риэ. Перед смертью Риэ, сжав руку Кэйко, очень просила ее позаботиться о Хонде. Риэ в данном случае поступила весьма мудро.

В результате в прошлом году Кэйко и Хонда вдвоем отправились в Европу. Вместо Риэ, которая всегда отказывалась, сколько Хонда ни уговаривал ее поехать с ним, его сопровождала Кэйко, но и при жизни Риэ, которую совсем не прельщали поездки за границу, всякий раз, когда Хонда заводил об этом разговор, просила Кэйко поехать с ним. Риэ знала, что с ней самой муж не получит никакого удовольствия от путешествия.

Хонда и Кэйко отправились в зимнюю Венецию и в зимнюю Болонью. Холод для их возраста был вполне переносимым, а в зимней Венеции необычайно остро ощущались отрешенность от жизненной суеты и признаки угасания. Туристов не было, мерзнувшие гондольеры стояли без работы, во время прогулок из утреннего тумана, словно серые обрывочные видения, появлялись мосты. Венеция и в преддверии конца имела блистательный вид.

В этом городе, пожираемом морем и промышленностью, где навеки застыла окаменевшая красота, Хонда, простудившись, слег с высокой температурой, и Кэйко своей заботой, уходом, энергичными действиями – она вызвала врача, говорившего по-английски, – заставила Хонду почувствовать, как ему в старости нужна ее дружба.

Утром, когда температура спала, Хонда, не зная, как лучше выразить свою безмерную благодарность, пошутил:

– Да-а, теперь я понимаю, что любая девочка увлечется вами, – столько нежности и материнской любви...

– Не путайте разные вещи. – Кэйко, пребывавшая в прекрасном настроении, притворилась рассерженной. – С теплотой я отношусь только к друзьям. С девочками я должна быть холодной... чтобы они меня любили. Если бы моя самая любимая девочка лежала с такой температурой, я не подала бы виду, что беспокоюсь, и, оставив больную, отправилась бы куда-нибудь развлечься. Некоторые женщины, как в традиционном браке, селятся вместе и тем обеспечивают себе заботу в старости, но такие отношения не по мне. Их полно, этих домов с привидениями, где живут вместе такая мужеподобная женщина и до жути преданная, послушная, малокровная девушка. Там от сырости растут грибы страстей, они и живут, питаясь этими грибами, комнаты затянуты паутиной нежности, в ней они спят обнявшись. Мужеподобная женщина, конечно, работает, и они щека к щеке вдвоем считают налоги... Нет, я в такой сказке жить не могу.

Хонда как мужчина в старости был непригляден, и Кэйко не командовала им, как обычно поступала с мужчинами, она жертвовала ради их отношений своей всегдашней решительностью. Именно это составляло безмерное счастье, выпавшее под конец жизни на долю Хонды, — осуществилось то, чего он желал.

Может быть, в отместку Кэйко стала подсмеиваться над тем, что Хонда возил с собой в чемодане поминальную табличку с именем Риэ. Дело в том, что Хонда, когда температура у него поднялась выше тридцати девяти, испугался воспаления легких и просил Кэйко после его смерти на чужбине отвезти в Японию табличку, которую он прятал в чемодане. Кэйко прямо в глаза Хонде заявила: «Какая жуткая у вас любовь. Жену, которая так не хотела ехать с вами за границу, насильно потащили с собой после ее смерти».

Выздоровливающему Хонде эта бесцеремонность доставляла такую же радость, как и ясное утреннее небо.

Что заставило Хонду возить с собой поминальную табличку с именем Риэ? Он не мог определить это для себя, даже словами Кэйко. Вне всякого сомнения, Риэ всю жизнь была верна мужу, но эта верность была усеяна шипами. Эта бездетная женщина, бывшая рядом, служила воплощением постоянно испытываемого Хондой ощущения, что все в жизни у него идет не так, несчастья Хонды она превращала в собственное счастье, она сразу видела, что представляют собой любовь и нежность, которые Хонда ей изредка выказывал.

В их времена совместное путешествие супругов за границу уже стало обычным делом, с деньгами Хонды расходы были просто пустячными, но Риэ упорно отказывалась и даже ругалась с Хондой, когда тот настаивал.

– То Париж, то Лондон, то Венеция – что это вообще такое? Вы собираетесь превратить меня в моем возрасте в пошлость, таская по таким местам.

Тогдашний Хонда, посмейся кто-нибудь над его смиренным желанием, наверное, рассердился бы, но теперь он сомневался, было ли желание, чтобы жена поехала с ним, действительно продиктовано любовью. Приученный к тому, что Риэ всегда принимала любовь мужа с подозрением, Хонда и сам стал сомневаться в своей любви. Подумать, так, может быть, планируя такое путешествие, он своей настойчивостью, своим скрывавшим равнодушие пылом, умышленно другим поведением хотел доказать свои добрые намерения, сыграть роль хорошего мужа. Может быть, и само путешествие Хонда хотел сделать тогда чем-то вроде дани их возрасту. Риэ сразу разглядела низменные мотивы его «добрых намерений». Пока она сопротивлялась, выдвигая в качестве предлога свои болезни, преувеличиваемые ею симптомы вскоре превратились в признаки серьезного заболевания. Так в конце концов Риэ добилась своего – путешествие и в самом деле стало невозможным.

Хонда взял с собой поминальную табличку с именем Риэ – это говорило о том, что после смерти жены он оценил ее

прямодушие. Если бы Риэ видела мужа, возившего в чемодане поминальную табличку с ее именем (такое предположение, конечно, невероятно), как бы это ее позабавило. Теперь-то Хонда мог позволить себе любое проявление любви. Он показался бы Риэ новым человеком.

На следующий вечер, после того как они снова вернулись в Рим, Кэйко, словно в компенсацию за то, что выхаживала его в Венеции, привела в удобный номер, который они взяли в гостинице, красивую молодую девушку Цецилию, подобранную тут же на улице, и всю ночь забавлялась с ней на глазах у Хонды. Потом Кэйко сказала:

– Ваш кашель вечером был просто изумителен. Простуда еще не прошла. Вы весь вечер как-то странно кашляли. Это было чудесно: ласкать мраморное тело этой девчушки под ваш старческий кашель. Аккомпанемент лучше всякой музыки: мне казалось, что я занимаюсь этим в роскошной могиле.

– Под кашель мертвеца.

– Да. Я была ровно посередине – между жизнью и смертью. Не говорите, что вы сами не получили удовольствия, – ядовито произнесла Кэйко, намекая на то, что во время ее забав Хонда, не в состоянии сдержаться, в какой-то момент, приподнявшись, коснулся ноги девушки.

В этом путешествии Кэйко научила Хонду играть в карты. Когда они вернулись домой, Кэйко пригласила его к се-

бе на игру в канасту¹⁰. В гостиной были расставлены четыре карточных стола: шестнадцать гостей после ланча сядут по четыре человека играть.

За столом Хонды были еще Кэйко и две дамы из русских эмигрантов. Одна была того же возраста, что и Хонда, другая – крупная женщина лет пятидесяти.

Печальный осенний день с проливным дождем... Хонда не понимал, почему это Кэйко, которая так любит молодых девушек, приглашает в свой дом одних старух. Мужчин, кроме него, было всего двое – бизнесмен, ведущий уединенный образ жизни, и мастер аранжировки цветов.

Хонду удивило, что игравшие с ним за одним столом русские дамы односложно и громко говорили на плохом японском языке, даром что жили в Японии несколько десятков лет. Ланч подали быстро прямо к карточным столам, и они вдруг начали пудриться и подкрашивать губы.

Пожилая дама после смерти мужа, тоже русского белоэмигранта, унаследовала фабрику, единственную в Японии фабрику по производству заграничной косметики, и теперь управляла ею; она была прижимиста, но на себя денег не жалела: когда во время поездки в Осаку у нее случилось расстройство желудка, ей показалось неудобным часто пользоваться туалетом на рейсовом самолете, поэтому она зафрах-

¹⁰ *Канаста* – карточная игра, появившаяся в конце 40-х гг. XX в. в Южной Америке и сразу ставшая популярной. Четыре игрока в течение нескольких партий должны достичь рубежа в 5 тысяч очков.

товала отдельный самолет, вернулась в Токио и отправилась в известную ей клинику.

Седые волосы, окрашенные в каштановый цвет, платье цвета темной бирюзы, накинутый сверху кардиган с блестками, ожерелье из слишком крупных жемчужин – спина у нее уже согнулась, но пальцы, державшие помаду, явно были сильными: под их нажимом морщинистая нижняя губа сдвигалась в сторону. Галина, так ее звали, мастерски играла в карты.

Темой всех ее разговоров была смерть: «Я умру, умру. Может, это моя последняя игра, до следующей встречи за картами я, наверное, не доживу», – говорила она, ожидая, что присутствующие громко станут протестовать.

По итальянским карточным столикам из наборного дерева был рассыпан тонкий карточный узор, глянец карт бил по глазам, и в нем, словно поплавок, отражался янтарный цвет камня «тигровый глаз», оправленного в перстень пожилой дамы, – ее пальцы опирались на лакированную поверхность столика. Иногда она нервно барабанила ими по столу – белыми, как брюхо молодой акулы, покрытыми старческими пятнами пальцами с ногтями, окрашенными в ярко-красный цвет.

Кэйко тщательно перетасовала две колоды карт, движения ее рук были почти профессиональны, карты элегантно ложились веером. Раздав каждому по одиннадцать карт, оставшиеся она положила на стол рубашкой кверху, открыв и по-

местив рядом самую верхнюю карту – это оказалась кричаще-красная тройка бубен, Хонде издалека ромбики на карте на миг представились тремя кровавыми родинками. Со всех столов раздавались типичные для карточной игры взрывы смеха, вздохи, возгласы удивления. Здесь старики могли позволить себе самодовольную улыбку, тревогу, подозрительность, подобное проявление чувств напоминало ночь в зоопарке. Из клеток, из вольеров летят смех и бессмысленные вопли:

– Вы ходите?

– Я пас.

– Канасты еще ни у кого нет, так ведь?

– Выдай я слишком быстро, вы на меня рассердитесь...

– Эта дама прекрасно танцует, даже этот дикарский гоугу.

– Я еще в их клубах не бывала.

– А я один раз была. Там все похожи на ненормальных.

Посмотрите на американские танцы, они такие же.

– А я люблю танго.

– Да, то, что танцевали раньше.

– И вальс, и танго.

– Раньше в них чувствовалась элегантность. А теперь мужчины и женщины одеты одинаково, как пугала. И цвет одежды, как это, рагда?

– Рагда?

– Ну, она еще на небе. Такое разноцветное на небе.

– Наверное, радуга?

– Точно, радуга. Что мужчины, что женщины – все как радуга.

– Но это, наверное, красиво?

– И все равно они как животные. Радужные животные.

– Радужные животные...

– Ах, мне уже недолго осталось. Пока я еще жива, мне так хочется хоть один раз набрать все очки. У меня только одно желание. Госпожа Хисамацу, это моя последняя в жизни игра.

– Опять? Да перестаньте же, Галина!

Этот странный разговор неожиданно напомнил Хонде, который совсем не набрал карт, его пробуждение по утрам.

После семидесяти, открывая утром глаза, он прежде всего видел лицо смерти. Почувствовав утро в слабом, просачивающемся сквозь сёдзи¹¹ свете, Хонда просыпался, задыхаясь от скопившейся в горле мокроты. Ночью она скапливалась в месте сужения этой красной сточной канавы и словно затвердевала. Потом в какой-то момент, казалось, кто-то, намотав вату на конец палочки, заботливо извлекал ее оттуда.

И сегодня утром о том, что он жив, Хонду прежде всего известил этот похожий на трепанга комок в горле. Он же сразу дал знать, что Хонда еще может умереть именно потому, что пока еще жив...

¹¹ Сёдзи – раздвижные стены из натянутой на каркас плотной бумаги между комнатой и верандой.

Когда-то у Хонды была привычка, проснувшись, подолгу мечтать в постели. Он, как корова жвачку, подолгу пережевывал свои сны.

Его сны были приятнее, красочнее, намного радостнее, чем жизнь. Он стал часто видеть во сне детство и отрочество. Один сон напомнил ему вкус оладий, которые как-то снежным днем во времена его юности приготовила ему мать.

Почему ему так запомнился столь незначительный эпизод? Хонда не мог постичь глубины своих воспоминаний: то был лишенный особого смысла эпизод, который его память за эти полвека извлекала несколько сот раз.

В подвергнувшемся перестройкам доме прежняя столовая не сохранилась. И все-таки Хонда помнил, как в пятом классе школы Гакусюин, скорее всего в субботу, они вдвоем с товарищем были по учебным делам на квартире одного из учителей, который жил на территории школы. Домой он возвращался под зарядившим снегом, без зонта, и очень проголодался.

Он, как обычно, вошел через боковую калитку и обошел двор, чтобы посмотреть, сколько насыпало снега. Рогожа, которой укутали стволы сосен, была в белых пятнах снега. Каменные фонари надели ватные шапки. Хонда шел по двору, под ботинками поскрипывало, и, когда издали сквозь падающий снег он увидел, как в столовой движутся полы материнского кимоно, сердце подпрыгнуло.

– А, это ты! Голодный, наверное. Страхни как следует снег

и скорее заходи.

Мать, вышедшая ему навстречу, зябко поежившись, прикрыла грудь рукавами кимоно. Когда Хонда снял пальто и вошел в комнату, мать с отрешенным видом раздувала огонь в длинной жаровне, оберегая от искр выбившиеся из прически волосы. Отвлекаясь на минуту от своего занятия, она сказала:

– Подожди немножко. Я приготовлю тебе что-то вкусненькое.

Мать поставила на жаровню небольшую сковородку и аккуратно кружками налила в закипевшее масло белое тесто, приготовленное к его возвращению домой, – бумага, которой оно было прикрыто, по краям пропиталась маслом.

Хонда в снах часто ощущал незабываемый вкус тех оладий. Как они были вкусны, пропитанные маслом и медом, когда он ел их, вернувшись с холода и греясь у жаровни! Он не помнил, чтобы в своей жизни ел что-нибудь подобное.

Но отчего же столь незначительный эпизод вылился в сон, который проходил через всю его жизнь? Конечно, в тот снежный день оладьи казались особенно вкусными, потому что обычно строгая мать была непривычно нежной. Непонятная печаль, окутывавшая все в этих воспоминаниях, профиль матери, дующей на угли, чувства подростка, наблюдающего в полутемной гостиной (в доме, где почитали бережливость, свет днем не зажигали), как разгорающийся огонь бросает красные блики на щеку матери, как по щеке, при каждом вы-

дохе, движется еле заметная тень... Может статься, его мать всю жизнь таила в душе какую-то печаль, и именно эта печаль скрывалась за непривычным поведением матери и за несвойственной ей нежностью. Может быть, эта печаль присутствовала во вкусе пышных оладий, в простых ощущениях подростка, в радости любви. А как иначе объяснить то чувство печали, которое всегда окутывало этот его сон.

С того дня прошло шестьдесят лет. Скорее, один миг. И, забыв о том, что он старик, Хонда испытал острое желание спрятать лицо на теплой материнской груди и поведать ей свои страхи.

Все эти шестьдесят лет что-то, облеченное во вкус оладий из того снежного дня, заставляло Хонду думать, что человеческая жизнь ничего не берет у сознания: нам дано разогнать мрак нашей жизни благодаря радости далеких, возникших когда-то ощущений – это тот свет, который, как сияние ночного костра, разрывает пелену мрака.

Один миг. Хонде казалось, что за все те годы, что он прожил после шестнадцати лет, ничего не произошло. Просто поворот, миг, нужный играющему в классики ребенку, чтобы перепрыгнуть через черту.

Хонда, столкнувшись с тем, что сны, которые Киёаки так подробно сохранил в своем дневнике, сбывались, осознавал преимущество сна перед жизнью, но не мог себе представить, что и его жизнь до такой степени затронута снами. Он испытал странную радость, когда они заполнили его жизнь,

так в Таиланде в наводнение вода заливала поля, но по сравнению со снами Киёаки сны Хонды были всего лишь о невозвратном, дорогом сердцу прошлом. В юности он просто не знал, что это такое – видеть сны, в старости их стало много, но они не имели ничего общего ни с силой воображения, ни с символами.

Хонда подолгу дремал в постели и с удовольствием вспоминал виденный сон еще и потому, что боялся болей в суставах, которые обязательно испытывал, когда вставал утром. Вчера у него нестерпимо болела поясница, а сегодня утром боль каким-то образом перекинулась на плечи и бок. Где именно заболит до того, как он поднимется, не определить. Пока он ворочался с боку на бок, еще охваченный остатками сна, кости скрипели и тело слабело в предчувствии дня, когда не произойдет ничего интересного.

Хонде было даже тяжело протянуть руку к домофону, который несколько лет назад был установлен в доме. Ведь тогда ему придется услышать произнесенное пронзительным голосом экономки «доброе утро».

После смерти жены Хонда одно время держал в доме ученика, но ему это быстро наскучило, так что Хонда отпустил ученика, и теперь в доме были только экономка и две служанки. Но и они постоянно менялись. Непрестанно сталкиваясь с ленью служанок и высокомерием экономки, Хонда понимал, что скоро он не сможет терпеть нынешние манеры и язык прислуги. Даже если они служили добросовестно, у

него вызывали раздражение всякие модные словечки, которые постоянно вертелись у них на языке, манера открывать перегородки фусума¹² стоя, громко смеяться, не прикрывая рта рукой, их ошибки в употреблении вежливых форм или сплетни по поводу выступавших по телевизору актеров; не в силах сдержать раздражение, Хонда делал замечание, и в тот же день очередная служанка брала расчет. Он жаловался на служанок пожилому массажисту, которого приглашал каждый вечер, от массажиста эти жалобы просачивались в дом и вызывали очередные раздоры, к тому же и сам массажист подвергся влиянию современных веяний: он желал, чтобы к нему обращались почтительно – «сэнсэй». Хонду злило, что массажист, если к нему обращались иначе, просто не отвечал, но он доверял его рукам и не мог сменить на другого.

Уборку в доме делали кое-как, сколько ни говори, в большом зале не везде вытерта пыль – об этом ехидно сообщил мастер аранжировки, приходявший раз в неделю ставить в доме цветы.

Служанки, относя заказы на кухню, таскали сласти, редкие европейские вина быстро исчезали: похоже, их кто-то пил. Иногда в глубине темного коридора звучал пронзительный, словно безумный смех.

¹² *Фусума* – раздвижные межкомнатные стены из плотной, натянутой на каркас бумаги.

Сначала Хонде будто приложили к ушам раскаленный утюг: экономка пожелала по домофону доброго утра. Он вяло приказал приготовить завтрак, служанки, которые шли по коридору открывать ставни, раздражали его своей походкой: они ступали так, словно их пятки из-за пота прилипали к циновке. Подогреватель воды для умывания часто ломался. Без напоминаний Хонды никто не удосуживался положить новый тюбик зубной пасты, даже если старый выдавили до конца. За одеждой следила экономка: она не ленилась гладить и сдавать вещи в чистку, но об этом порой сообщала царапавшая шею бирка прачечной, которая так и оставалась на одежде. На подошвах вычищенных ботинок бережно сохранялся прилипший к ним песок, сломанный зонт оставался в таком же виде. Такое невозможно было себе представить при жизни Риэ. Часть порвавшихся или сломавшихся вещей теперь сразу выбрасывалась. По этому поводу Хонда часто пререкался с эконожкой:

– Ну, господин, вы сказали отдать в починку, но нигде нет мастерской, где чинят такие вещи.

– И что же делать, выбросить?

– Ничего не поделаешь. Да и вещь недорогая.

– Дорогая, дешевая – не в этом дело.

Хонда невольно повышал голос и по глазам собеседницы

понимал, что та презирует его за скаредность.

Помимо карт, Кэйко увлеклась изучением японской культуры. Это был интерес к новой, чужой для нее стране. Только сейчас Кэйко впервые посмотрела пьесы театра кабуки¹³, заинтересовалась второстепенными актерами, хвалила их, сравнивая с французскими знаменитостями. Она стала изучать народные песни и, увлекшись искусством эзотерического буддизма, начала посещать буддийские храмы.

Подобные вещи все больше укрепляли дружбу Хонды с Кэйко.

Кэйко часто говорила, что хочет вместе с Хондой съездить в какой-нибудь интересный храм, и Хонда чуть было не предложил отправиться в Гэссюдзи, но сдержался. Это был не тот храм, куда стоило ехать с Кэйко, для которой это было скорее развлечением.

За все эти пятьдесят шесть лет Хонда ни разу не был в Гэссюдзи, никогда не писал его настоятельнице Сатоко, находившейся, как он слышал, в добром здравии. Во время войны и после нее его несколько раз охватывало желание съездить к Сатоко, начать переписку, но всякий раз сердце, словно запнувшись, начинало биться сильнее, и он так ничего и не предпринял.

Но он не забыл свою мечту о Гэссюдзи. Чем дольше копи-

¹³ *Кабуки* – национальный японский театр, первая труппа сложилась в начале XVII в., одно из специфических явлений японского театрального искусства, театр «третьего сословия».

лось молчание, тем с большим трепетом в душе он относился к этому месту, он говорил сам себе, что не следует беспричинно нарушать покой, в котором живет Сатоко, не следует теперь подступать к ней с воспоминаниями о былом, а еще с годами он стал бояться увидеть состарившуюся Сатоко. Правда, Тадэсина, которую он встретил на пожарище после воздушного налета в Сибую, говорила, что Сатоко стала еще красивее, что она сродни прозрачному источнику, он, вообще-то, представлял эту красоту – красоту отрешившейся от мирских благ старой монахини – и слышал от тех, кто бывал в Осаке, восхищенные рассказы о красоте нынешней Сатоко. И все равно Хонда боялся. Ему было страшно увидеть разрушение, но он боялся также увидеть то, что сохранилось при разрушении. Конечно, в старости сознание Сатоко вышло за рамки обычного человеческого: оно находится на такой высоте, куда Хонде не подняться, поэтому, когда он явится перед ней в своем нынешнем облике, пруд этого озаренного светом сознания Сатоко, скорее всего, даже не тронет рябь. Сатоко не страшны воспоминания. Хонда представлял себе ее спрятавшей тело от стрел воспоминаний в синие доспехи – он будет смотреть на нее глазами умершего Киёаки, и это может умножить ее страдания.

С другой стороны, Хонде не хотелось бы посетить сейчас Сатоко с воспоминаниями о Киёаки, как бы представляя Киёаки. У него и сегодня, через пятьдесят шесть лет, отчетливо звучали в ушах слова, которые Сатоко прошептала тогда

в машине по дороге из Камакуры: «Грех касается только меня и Киё». Встретятся они, и Сатоко теперь, наверное, равнодушно посмеется над этими воспоминаниями и перестанет говорить с ним так, будто он чужой. Но ехать туда было тяжело: он старел, становился безобразнее, погрязал в грехах, и ему казалось, что, для того чтобы увидеть Сатоко, он обязан пройти трудные испытания.

С годами вместе с воспоминаниями о Сатоко остался где-то далеко и храм Гэссюдзи, окутанный весенним снегом. Они остались далеко, но сердце их не забыло. Гэссюдзи словно храм снежных Гималаев – Хонда думал о нем, напрягал память и представлял его себе вознесшимся на снежном пике: изысканность сменилась строгостью, мягкость – божественной мощью. Невозможно далекий храм дышащей спокойствием луны, он живет в высоких мыслях, в вершинах сознания, а в нем, будто инкрустация, фигурка в лиловом монашеском облачении – фигурка прекрасной Сатоко... Храм засиял холодным светом. Хонда знал, что сейчас туда можно быстро добраться самолетом или на скоростном поезде. Но тот Гэссюдзи, который видят паломники и обычные люди, не для Хонды. Его храм – это луч лунного света, проникший сквозь трещину в темный мир его сознания.

Если Сатоко там, то она, конечно, бессмертна и будет пребывать там вечно. Хонда признавал, что сам смертен, в таком случае Сатоко, на которую он взирал из собственного ада, была от него безгранично далека. Встретятся они, и Сатоко

сразу поймет его муки. Казалось, они уравнивают друг друга – вечный ад неудовлетворенности и страха, куда Хонда загнал себя своими рассуждениями, и божественное бессмертие Сатоко, они просто созданы для того, чтобы удерживать равновесие. В таком случае можно не торопиться со встречей: они ведь могут встретиться и через триста, и даже через тысячу лет – в любой момент, когда он того захочет.

Хонда придумывал для себя всяческие отговорки и исподволь убеждал себя не ездить в Гэссюдзи. Он инстинктивно отказывался от этого как человек, который отказывается от красоты, грозящей ему гибелью. Он не посетил Гэссюдзи не только потому, что вечно откладывал, а потому, что знал: он туда не поедет; порой он думал, что именно это было главным противоречием в его жизни. Он боялся, что если пересилит себя и решится на этот визит, то храм Гэссюдзи уйдет от него, растает в изменчивом тумане. И все-таки, отвлекшись от мыслей о бессмертии, утром или вечером, когда Хонда особенно остро чувствовал немощь своего тела, он возвращался к мысли о том, что сейчас уже настало время посетить Гэссюдзи. Он приедет в храм и увидит Сатоко перед своей смертью. Хонда знал, что Сатоко для Киёаки была женщиной, с которой тот должен был встретиться даже ценой жизни, но так и не смог, и теперь молодой, прекрасный дух далекого Киёаки запрещал Хонде платить за встречу с Сатоко той же ценой. Ведь заплати он смертью, и они встретятся. А может статься, Сатоко тоже провидела этот момент

и втайне ждала, когда он созреет. И от этих размышлений невыразимая сладость разливалась в груди состарившегося Хонды.

* * *

Брать с собой в такое место Кэйко было немыслимо.

Во-первых, Хонда сомневался, что Кэйко понимает японскую культуру. Правда, при весьма поверхностных знаниях на большее она и не претендовала – это была хорошая черта. При посещении храмов в Киото Кэйко, подобно иностранным дамам с артистической натурой, которые, впервые попав в Японию, уезжали оттуда полные заблуждений, оказалась под сильным впечатлением от того, что уже не трогало обычного японца, и, интерпретируя все так, как ей нравилось, плела из этих ошибочных представлений свой прелестный венок. Она восторгалась Японией, как восторгалась бы Южным полюсом. Кэйко повсюду сидела в той же неловкой позе, что и иностранные дамы, которые в чулках, неудобно усевшись на пол веранды, смотрели на сад камней. Ведь она с детства привыкла сидеть только на стульях.

Но в Кэйко очень сильна была жажда знаний, и через некоторое время, отбросив кое-что из сложного, она принялась высказывать свое личное мнение по поводу японской культуры, будь то искусство, литература или театр.

На приемах в посольствах разных стран, в домах ино-

странцев, куда Кэйко издавна приглашали благодаря ее образу жизни, она теперь с гордостью знакомила всех с японской культурой. Те, кто знал прежнюю Кэйко, не могли вообразить себе, что станут слушать из ее уст лекцию о золотых росписях в интерьере японского дома.

Хонда считал, что такое общение с дипломатами – дело пустое, и сказал об этом Кэйко:

– Эти люди неблагодарны, для них все ограничено местом службы: когда оно меняется, они напрочь забывают о том, что было связано с прежним, так что общаться с ними нет никакого смысла. Тебе это ничего не даст.

– А мне приятнее иметь дело со случайными людьми. Тут я не обязана продолжать отношения, например, десять лет, а то и больше, не то что с японцами, да и интереснее, когда собеседники постоянно меняются, – отвечала на это Кэйко.

Она простодушно уверовала, что играет определенную роль в культурном обмене: так, выучив один танец из представления но¹⁴, она тут же исполняла его на приеме перед иностранцами. Среди гостей были такие, которые этого раньше не видели, и это придавало ей уверенности.

Кэйко всячески оттачивала свои знания, но не проникала глубоко, во мрак, откуда росли корни Японии. Она не чувствовала связи с источником горячей крови, который возбу-

¹⁴ Но – возникший в XIV в. жанр народного театра, эстетические и философские концепции которого сделали его театром для «посвященных», пьесы театра но – драмы возвышенных страстей, трагических переживаний, они символичны и условны.

доражил душу Исао Иинумы. Хонда дразнил Кэйко, говоря, что с японской культурой она обращается как с замороженными продуктами.

Среди дипломатов Хонда официально считался другом Кэйко, и на приемы их всегда приглашали вместе. Как-то Хонда возмутился тем, что на приеме в одном из посольств официанты были обряжены в штаны хакама с гербами:

– Вот доказательство того, что они относятся к японцам просто как к аборигенам, прежде всего это невежливо по отношению к гостям-японцам.

– Не думаю. В таком виде японский мужчина выглядит как-то достойнее. Ваши смокинги уже приелись.

Это было в начале официального приема: гости – первыми шествовали дамы, – переговариваясь, неторопливо двигались в столовую, там в полумраке горели свечи в серебряных подсвечниках, от стоявших на столах цветов тянулись причудливые тени, за окном шумел дождь – эта сияющая грусть очень шла Кэйко. Она не изображала на лице свойственную японским женщинам приветливую улыбку, спина по-прежнему была гордо выпрямлена, даже голос у нее был особенный – с чарующей хрипотцой, как когда-то у пожилых дам из высшего общества. Среди дипломатов, у которых сквозь оживление на лицах проступала усталость от работы, среди чванливых, холодных советников Кэйко единственная выглядела живым человеком.

Они с Хондой должны были сидеть в разных местах, по-

этому, пока они шли в столовую, Кэйко быстро проговорила:

– Я только что говорила о пьесе «Платье из перьев»¹⁵. Но сама еще не видела сосновый бор в Михо. Стыдно, во многих местах здесь, в Японии, я не была. Может быть, на днях съездим туда?

– Всегда готов. Я недавно был в Нихондайре, но собирался еще раз побродить в тех краях. Так что с удовольствием буду тебя сопровождать, – ответил Хонда, уже смирившись с тем, что накрахмаленная грудь рубашки под смокингом постоянно лезет вверх.

¹⁵ «Платье из перьев» – третья по популярности пьеса репертуара театра но, автор ее неизвестен. Сюжет основан на легенде, рассказывающей о том, как у рыбака из Михо оказалось в руках платье из перьев, принадлежавшее ангелу. Без перьев ангел не мог вернуться на небо и упросил рыбака вернуть платье. В благодарность ангел исполняет для рыбака танец.

Пьеса театра но «Платье из перьев» открывается дуэтом рыбаков: «Какие волны! Под сильным ветром залив в Мико на корабле переплывают, шумят со взморья люди», один из них, назвавшись Хакурё, начинает следующий эпизод: «В горах далеких повисли тучи...»; на сосне (она вынесена за сцену) висит красивая одежда, Хакурё видит ее и собирается унести как семейное сокровище, но его останавливает появившийся ангел – главный герой. Хакурё не поддается на уговоры, не хочет вернуть одежду, а ангел не может без нее вернуться на небо и принимается стенать: «Коль не вернешь мою одежду, я силы потеряю, цветы поникнут в волосах, слезами станут камни головной повязки и явятся пять страшных признаков конца».

Кэйко продекламировала это в поезде, увозящем их из Токио, и с энтузиазмом обратилась к Хонде:

– А что это за пять признаков конца жизни у ангела?

Хонда под влиянием виденного им недавно сна об ангелах просмотрел буддийские сочинения, имевшие к этому отношение, поэтому без труда смог ответить на вопрос Кэйко.

– Так называются пять признаков недуга, которые появляются у ангела перед смертью, в разных источниках их описывают с некоторыми отличиями.

В частности, в одной из сутр Агамы¹⁶ говорится: «Среди тридцати трех ангелов был один, на его теле заметны пять признаков близкой смерти. Вот эти признаки: первый – вянут цветы в волосах, второй – на одежде появляются пятна, третий – из подмышек течет пот, четвертый – его ничто не радует, пятый – он теряет величественность».

В сутре о деяниях Будды написано: «Когда срок жизни, отпущенный ангелу, исчерпан, сами собой появляются пять признаков этого. Вот эти признаки: первый – вянут цветы в волосах, второй – под мышками выделяется пот, третий – одежда покрывается пятнами, четвертый – он теряет внешнюю привлекательность, пятый – его не радует собственное положение».

А во втором свитке сутры о Великой матери сказано: «И тогда на небе увидит Матерь пять признаков конца. Первый – увянут цветы в волосах, второй – под мышками выступит пот, третий – исчезнет божественное сияние, четвертый – станут моргать глаза, пятый – исчезнет радость жизни».

Эти описания достаточно схожи, но в трактате хинаяны указываются две группы, каждая из пяти признаков – признаки явные и неявные.

¹⁶ ...в одной из сутр Агамы... – 1) Здесь Ю. Мисима указывает на «Увеличенную на одну Агама-сутру» (название в переводе А. Н. Игнатовича), содержащую догмы и доктрины буддизма хинаяны; 2) сутра о прошлых деяниях Будды; 3) сутра о Великой матери (санскритское Mahamaya). 4) «Абхидхарма-коша» – канонический текст (в Японии буддийской школы Куся), в котором рассматриваются важнейшие установки буддизма хинаяны.

К неявным признакам относят следующие.

Первый: обычно полет и кружение ангелов сопровождается дивная музыка, ни один музыкант не способен так ее исполнить, эту музыку издают пять инструментов, заключенных в теле ангела, но, когда приближается смерть, музыка теряет силу, инструменты звучат невпопад.

Второй: обычно от тела ангела и днем и ночью исходит сияние, свет ровный, без тени, но под конец жизни свет меркнет и тело окутывается темной тенью.

Третий: кожа у ангелов гладкая, будто пропитанная жиром, даже когда они купаются в благоухающих прудах, вода скатывается с нее, как с листьев лотоса, но с приближением смерти на коже начинают оставаться капельки воды.

Четвертый: как правило, в движении ангелы не знают границ, они, словно искры, кружащие вокруг костра не останавливаясь, все время перелетают с места на место, им свойственно, не закончив одного дела, переходить к другому, но с приближением конца они где-нибудь опускаются поближе к земле и уже не покидают этого места.

Пятый: тело ангела наполнено силой, немигающие глаза всегда распахнуты, но, когда подступает смерть, силы его оставляют и глаза постоянно моргают.

Это и есть пять неявных признаков смертельного недуга.

К пяти явным признакам относят следующие.

Первый – чистое одеяние забрызгано грязью, второй – когда-то свежие цветы в волосах увяли, третий – из подмышек

струится пот, четвертый – тело издает неприятный запах, пятый – пропадает радость жизни.

Другие источники в той части, которая касается пяти признаков близкой смерти ангела, пишут именно о пяти явных признаках, неявные признаки могут косвенно указывать на близящийся конец, но раз возникли явные признаки, то скорой смерти уже не избежать.

У ангела – героя пьесы «Платье из перьев» – один из этих явных признаков присутствует, но, получив свое одеяние, он вдруг исцеляется; выходит, что автор пьесы Дзэами¹⁷ не стал строго следовать буддийским источникам, а использовал это как поэтический прием, как намек на прекрасную смерть.

Узнав все это, Хонда вдруг отчетливо вспомнил, как были изображены эти пять признаков в драгоценной «повести в картинах», которую Хонда когда-то давно видел в храме Китано¹⁸ в Киото. Тут сыграла свою роль бывшая под рукой фотография: вещь, по которой он прежде лишь скользнул взглядом, теперь наполнилась поэзией и тронула душу.

Картина изображала сад, в глубине которого располагался красивый храм в китайском стиле, и ангелов: одни касались

¹⁷ Дзэами (наст. имя Мотоёки; ок. 1363 – ок. 1443) – сын создателя и первого драматурга театра но – Канъами (Киёцугу), продолживший дело отца и превративший но благодаря своему творчеству как драматурга и теоретика театрального искусства в ведущее театральное направление для «избранных», опиравшееся на эстетическую концепцию истинной сути вещей.

¹⁸ Храм Китано – посвящен в том числе духу Сугавары Митидзанэ, выдающегося ученого, политика, ярчайшего представителя культуры IX в.

струн кото¹⁹, другие держали наготове барабанные палочки. Но прелести музыки не чувствовалось. Звук, казалось, напоминал вялое жужжание мухи в летний день. Струны, похоже, потеряли упругость и не звучат. В этом саду растут цветы, а на переднем плане, прикрыв глаза рукавом, грустит ребенок.

Все выглядит так, будто погибель налетела неожиданно – на дивно белых бесстрастных лицах проглядывает недоумение.

Один из ангелов, скрючившись, сидит в храме. Другой, со спущенным с плеча рукавом, изогнулся всем телом, пытаясь приблизиться к земле. В их позах, даже в расстоянии между ангелами есть что-то тоскливое, блистательные одежды в беспорядке, так и чувствуешь запах мутной реки.

Что же случилось? А просто обозначились признаки конца. Вот так же, наверное, выглядели бы в дворцовом парке где-нибудь в тропиках придворные дамы, пораженные неожиданно налетевшей болезнью, от которой нет спасения.

Цветы в волосах поникли, пустота, наполнив тело, подступила к горлу. В мягкой неторопливости, составлявшей суть этих прелестных существ, сквозило безволие, даже в их дыхание вплелся запах смерти.

Существа, которые одним своим присутствием в жизни влекут людей к красоте и фантазиям, должны были бы и сами заметить, что парят, овеваемые ночным ветром, без былого очарования, – оно, словно слезающая позолота, покидало их тело. Изысканный сад будто превратился в косогор.

¹⁹ *Кото* – традиционный музыкальный инструмент с тринадцатью струнами.

И по нему с шелестом скользили золотые песчинки – олицетворение всесилья, красоты, наслаждения.

Абсолютная свобода – свобода разрывавшего пустоту полета – оставила их тела, как безжалостно содранная плоть. Вокруг парящих фигур возникла тень. Исходивший от них свет померк. Сила их очарования словно стекала безостановочно с кончиков чудных пальцев. Огонь, тлевший в самой глубине души и тела, погас.

Ни клетчатый узор на полу в храме, ни киноварь балюстрады ничуть не изменились. Они – следы пустой роскоши. Тщательно отделанный храм останется жить и после смерти ангелов.

У ангелов – женщин с распущенными волосами – раздуваются ноздри. Они почувствовали запах гниения. Быть может, там, за тучами, ворох опавших мятых лепестков. Или гниет вода, в бледно-голубой цвет которой окрасилось небо. Просторный мир, где окончательно исчезло то, что радует глаз и душу...

– Вот за что я вас люблю. Именно за это, – сделала вывод Кэйко, выслушав рассказ Хонды. – Вы знаете ну просто все!

Подчеркнув голосом свой восторг, Кэйко тут же открыла крышечку маленького флакона модных духов от Эстер Лаудер и подушила за ушами. Она была в брюках из материи под змеиную кожу и такой же блузке, подпоясанной кожаным ремнем, на голове испанская шляпа сомбреро из черного фетра.

Хонда, увидев Кэйко на вокзале в таком обличье, даже испугался, но у него не было никакого желания порицать ее вкусы.

Через несколько минут они прибудут в Сидзуока. Хонде неожиданно вспомнился один из пяти признаков смерти ангела – «не радуется жизни», и он подумал о том, что сам уже давно не испытывает этой радости, но не умирает только потому, что не ангел.

В сердце возникла пустота, вновь вызвавшая чувство, которое он испытал, когда ехал в машине на станцию Токио. Выезжая из дому, Хонда сказал шоферу, чтобы тот в районе Нисиканды въехал на скоростную автостраду. Машина со скоростью восемьдесят километров в час бежала по влажной дороге, вдоль которой зубцами тянулись новые здания финансовых компаний. Каждое здание – прочное, основательное, даже грозное, раскинув огромные крылья из стекла и металла, будто набрасывалось на следующее. Хонда тогда испытал мстительную радость при мысли о том, что, когда он умрет, все эти здания исчезнут, и теперь он вспомнил это ощущение. Нет способа уничтожить этот мир, вернуть его в небытие. А вот когда он умрет, именно это и произойдет. Даже забытый обществом старик наделен силой разрушения – у него есть смерть. Хонда совсем не боялся пяти ее признаков.

Хонда взялся сопровождать Кэйко в Михо, в тот сосновый лес, который он сам совсем недавно посетил, не без задней мысли. Собираясь показать ей, как вульгарно выглядит некогда живописная, а теперь полностью заброшенная местность, он хотел разрушить иллюзии, в которых она самодовольно пребывала.

Несмотря на будний день и дождь, просторная автомобильная стоянка у соснового бора в Михо была забита машинами, запыхавшиеся целлофановые упаковки в сувенирных ларьках, казалось, отражали серое небо. Но это ничуть не испортило настроения Кэйко.

– Какой прекрасный вид! Просто изумительное место. Воздух чудно пахнет. Это оттого, что близко море.

На самом деле в воздухе сильно ощущалось присутствие выхлопных газов, а сосны выглядели чахлыми. Хонда, который недавно убедился в этом, был уверен, что Кэйко видит все именно так, как говорит.

В Бенаресе священное было до отвращения грязным. Священны были сами нечистоты. Индия была именно в этом.

Но в Японии святость, красота, предания, поэзия – все это были понятия, которых невозможно было касаться с благоговением, имея при этом грязные руки. Люди, замышлявшие втоптать все это в грязь и в конце концов задушить, и те де-

лали это без всякого благочестия, но тщательно вымытыми с мылом, чистыми руками.

И в сосновом лесу Михо, в этом воспетом в стихах полупризрачном небе, согласно людскому воображению, должны были бесконечно, словно акробаты в цирке, кувыркаться ангелы. Хмурое небо заполняли невидимые фигуры, которые они выписывали в своем танце, все было в переплетении серебристых проводов линий электропередачи. Но люди, наверное, могли представить себе только умирающего ангела.

Часовая стрелка миновала цифру 3. И столб с надписью «Природный парк в Нихондайре, сосновый лес Михо», и ошетилившиеся грубыми чешуйками стволы сосен – все было в пятнах зеленого мха. Хонда и Кэйко поднялись по пологой каменной лестнице, и тут им открылся гордо вознесшийся сосновый лес, который зигзагом вдоль и поперек разрывал небо, за свечами цветов, украшавших каждую ветку даже умирающих сосен, раскинулось тусклое море.

– Смотри, море видно! – радостно воскликнула Кэйко.

С такой же интонацией, наверное, хвалят дачу у моря, куда тебя пригласили в гости: Хонда не верил, что счастье можно испытать от преувеличенных восторгов. Но сейчас они, по крайней мере, не были в этом одиноки.

Перед двумя павильончиками, заполненными сувенирами и красными этикетками кока-колы, стояла большая картина для памятных фотографий, где были прорезаны отверстия для лиц. Встав за картиной и вставив лицо в отверстие

стие, можно было сфотографироваться на память. Выцветшая картина, исполненная грубыми мазками, изображала стоявших на фоне сосны Дзиротё из Симидзу²⁰ и его спутницу Отё. Дзиротё держал под мышкой большую соломенную шляпу, на которой было написано его имя, откинута пол одежды прикрывала короткий меч, у Отё, с волосами, собранными в узел на затылке, вид путешественницы – руки с тыльной стороны закрыты подобием перчаток, на ногах обмотки, она в желтом полосатом кимоно с черным атласным поясом, рука в бледно-желтой перчатке держит посох.

Хонда тянул Кэйко к раскинувшемуся перед глазами сосновому бору, но увлеченная картиной Кэйко не сдвинулась с места. Она слышала это имя – Дзиротё из Симидзу, но подробностей не знала, и, когда Хонда рассказал его историю, этот персонаж ее просто пленил.

Кэйко, в которой картина, привлекающая своей примитивностью, будила далекие, не испытанные в прожитой ею жизни влечения, была поражена поэзией жалкой, грубой страсти, ее душу тронула свежесть этого чувства. Хорошей чертой Кэйко было то, что она ни о чем не судила предвзято. Ведь вещи, которых ей не приходилось самой видеть или

²⁰ *Симидзу-но Дзиротё* (1820–1893) – известный создатель и глава преступного синдиката – якудза. В период Мэйдзи (1868–1912), последовавший после буржуазной революции, правительство доверяло созданной им организации строительство инженерных сооружений и морские перевозки. Человеческие качества Симидзу-но Дзиротё и его сподвижников сделали его героем многих устных рассказов.

слышать, относились к «японским».

– Перестань. Это неприлично, – сердясь, укорял ее Хонда: Кэйко захотела сфотографироваться с этой картиной.

– Ты полагаешь, есть еще что-то, что нам неприлично делать?

Кэйко стояла, расставив ноги в брюках под змеиную кожу, в позе, типичной для европейской матери, когда она ругает ребенка, – уперев руки в бока и гневно поводя глазами. Ей казалось, что оскорбили ее поэтические чувства.

Чтобы посмотреть на их ссору, стал собираться народ, поэтому Хонда был вынужден сдаться. Прибежал фотограф, неся установленный на треноге фотоаппарат с накинутым на него красным бархатом с черной подкладкой. Спасаясь от людских глаз, Хонда зашел за картину и выставил лицо в предназначенное для него отверстие. Зрители засмеялись, засмеялся и лысоватый фотограф, так что Хонда, хотя и понимал, как странно будет выглядеть улыбающийся Дзиротё, тоже против воли заулыбался. После того как был сделан первый снимок, Кэйко потянула Хонду за рукав пиджака и заставила поменяться местами. Теперь у Дзиротё было женское лицо, а у Отё – мужское, и собравшаяся толпа просто покатила со смеху. В прошлом Хонде нравилось подглядывать в щелку, но теперь, когда это занятие смешило людей, его охватил такой ужас, будто он стоял у гильотины.

На этот раз фотограф, должно быть в целях рекламы, словно нарочно, довольно долго наводил фокус. В ответ на

его возглас «Пожалуйста, потише» толпа неожиданно умолкла.

Хонда, стараясь сохранять серьезность, теперь смотрел из нижнего отверстия. Спина согнута, зад отставлен – точно в такой же позе он когда-то подсматривал через щелочку за гостями из своего кабинета в Нинаоке.

В какой-то миг он ощутил, что испытываемое им унижение приобрело другой оттенок. Люди смеялись над тем, что он выставил на обозрение свой мир. Он сам стал объектом, действием, за которым наблюдали собравшиеся по ту сторону зрители.

Тут было море. Рядом вросла корнями в землю огромная сосна, опоясанная по стволу священной вервью, – это сосна, на которой, по преданию, висело платье из перьев. Вокруг на песчаном пологом склоне расположились многочисленные туристы. Под хмурым облачным небом не поднимало настроения даже многообразие цветов в одежде, а волосы, которые ерошил ветер, казались старыми сосновыми шишками, падавшими на цветные пятна. Где-то люди сидели группами, где-то отдельно расположились пары: мужчина и женщина, и над всем господствовало небо, напоминавшее огромное белое веко. Здесь нельзя было смеяться, и все с какими-то нелепыми лицами сидели, повернувшись в сторону Хонды.

Несколько одетых традиционно по-японски женщин, нагруженных пакетами с покупками, среднего возраста мужчи-

ны в плохо пошитых костюмах, юноша в зеленой клетчатой рубашке и девушка с толстыми ногами в мини-юбке, дети, старики... Хонде показалось, что они собрались, чтобы лицезреть его смерть. Все словно чего-то ждали, словно готовились присутствовать при каком-то поистине грандиозном по своей комичности событии. Добродушно приоткрытые рты, и только откровенно, как у диких зверей, сверкают глаза.

– Готово! – Фотограф поднял руку в знак того, что съемка окончена.

Кэйко проворно убрала лицо из отверстия и торжественно, будто генерал, явилась толпе. Дзиротё из Симидзу оказался в брючках под змеиную кожу, с черным сомбреро в руках, с растрепанной прической – присутствующие разразились аплодисментами. Пока Кэйко неторопливо записывала для фотографа адрес, куда прислать готовые снимки, к ней даже подошел за автографом молодой человек, решивший, что это какая-то знаменитая в прошлом актриса.

...Из-за причуд Кэйко Хонда, когда они наконец добрались до знаменитой сосны, чувствовал себя безмерно уставшим.

Сосна, на которой, по преданию, висело платье из птичьих перьев, была огромной и толстой, она стояла точно спрут, раскинувший свои щупальца; дерево уже почти засохло. Трещины в стволе были залиты бетоном. Туристы, собравшись вокруг почти голой сосны, обменивались шутками:

– Ангел, наверное, был в купальнике...

– Эта сосна, пожалуй, мужик. Платье-то повесила женщина...

– До такой высокой ветки и не дотянешься!

– А посмотреть – так ничего особенного.

– Как хорошо сохранились. Все время ветер с моря, и все-таки...

Действительно, это дерево росло значительно ближе к морю, чем другие прибрежные сосны с поломанными морскими ветрами ветками и искривленными стволами, она, как выброшенный на берег, разбитый корабль, несла на своем теле следы бесчисленных кораблекрушений. За окружавшей ее гранитной оградой, ближе к морю на песке уныло стояла на красных столбиках, напоминая яркую тропическую птицу, зрительная труба, через которую можно было посмотреть за десять иен. По ту сторону в голубой дымке виднелся полуостров Идзу, перед ним сейчас появилось грузовое судно. Изломанная линия берега, обозначенная выброшенными на сушу водорослями, плавником, пустыми банками и прочим мусором, словно море выставило на продажу всякую мелочь, указывала на границу прилива.

– Вот она, сосна, на которой висела одежда из перьев, говорят, что именно здесь девушка-ангел, получившая обратно платье, исполняла свой танец. Посмотри-ка, и здесь фотографируют. Очень по-современному: ничего не осмотрев, сфотографироваться и скорее назад – для таких людей важ-

но в момент, когда их фотографируют, находиться в определенном месте.

– Не стоит принимать это так близко к сердцу. – Кэйко уселась на каменную скамью и достала сигареты. – Все нормально. Что отчаиваться?! Пусть грязные, пусть умирающие – ясно, что и сосна, и само место связаны с чем-то фантастическим. Наоборот, если бы с них, как с высочайших творений, постоянно стирали пыль, берегли бы их как зеницу ока, вот тогда бы это выглядело фальшиво, разве нет? Я-то считаю, что именно так это по-японски, естественно. Действительно хорошо, что мы сюда приехали.

* * *

Кэйко радовалась всему. Это было ее неоспоримое право. Во влажной духоте, среди той пошлости, что, словно песчаный ветер, носилась повсюду, она с интересом смотрела вокруг и мгновенно подчинила себе Хонду. И в храме Михо, куда они заехали на обратном пути, она восхищалась тем, как передает сущность этого портового храма находившаяся под навесом среди других подношений картина в грубой деревянной раме, изображавшая новенький корабль, рассекающий волны синего моря. В глубине застеленного циновками храмового помещения висела огромная доска в виде веера с вырезанной на ней программой спектакля но, который шесть лет назад был дан здесь как подношение храму.

– Женская труппа но! В постановках типа *камиута*²¹, пьесах «Такасаго»²², «Ясима», а вот еще и в «Платье из перьев» играют женщины! – взволнованно воскликнула Кэйко.

В возбуждении она сорвала с дерева на аллее храма вишенку и сунула ее в рот.

– Не ешь этого, умрешь! Посмотри, что там написано!

Хонда, который шел все медленнее и теперь жалел, что из-за пустого франтовства не взял палку, запыхавшись, догнал Кэйко, но уже опоздал со своими предупреждениями.

На веревке, которая была протянута между деревьями от ствола к стволу, в видных местах раскачивались таблички: «Дезинсекция. Ядовито. Не ешьте плоды. Не рвите вишню».

На ветках, к которым были привязаны многочисленные бумажки с просьбами к богам, зрели маленькие вишенки, здесь были самые разные плоды – от еще зеленых до исклеванных птицами с видневшейся косточкой, от бледно-розовых до кроваво-алых. Таблички висели больше для устрашения, и Хонда, хоть и кричал, знал, что никакой яд Кэйко не страшен.

²¹ *Камиута* – самостоятельный тип постановок, сочетающий танец и синтоистский обряд.

²² «*Такасаго*» – пьеса но, основанная на легенде о «соснах-супругах», текст и музыку к которой написал Дзэами; «*Ясима*» – пьеса театра но о заслугах полководца Минамото-но Ёсицунэ (1159–1189) в одной из решающих битв между кланами Тайра и Минамото, которые претендовали на верховную власть в стране.

Кэйко захотелось осмотреть что-нибудь еще, и Хонда, хотя и безумно устал, велел шоферу ехать по шоссе Куно в Сидзуока, а по дороге остановил машину у сигнальной станции «Тэйкоку», куда он недавно заходил.

– Довольно интересное, даже привлекательное сооружение, – произнес он, глядя снизу, от каменной ограды, где буйствовали цветы портулака, на небольшой домик, поставленный на высокий фундамент.

– Вон там видна зрительная труба. Чем здесь занимаются?

– Там следят, когда придет корабль. Зайдем? – предложил Хонда.

В прошлый раз ему было очень любопытно, но он был один, и ему не хватило храбрости постучать в дверь.

Поддерживая друг друга, они медленно поднялись по каменным ступеням, которые шли вокруг фундамента здания, миновали доску с названием, добрались до железной лестницы, ведущей на второй этаж, и тут их чуть не сбила с ног женщина, с грохотом сбежавшая по ступенькам. С развевавшимся подолом платья она промчалась мимо желтым вихрем, поэтому они не смогли рассмотреть ее лица, осталось только впечатление чего-то безобразного.

Не то чтобы она была кривой на один глаз, да и огромного родимого пятна на все лицо у нее не было. Просто перед

глазами промелькнуло откровенное уродство, во всем противоречащее тому, что люди обычно считают красивым. Похоже, она понимала, что безобразна, и это ее задевало. Однако, быть может, все было вполне обыденно: девушка всего лишь, скрываясь от людских глаз, спешила домой после свидания.

Кэйко и Хонда поднялись по железной лестнице и остановились перед дверью, чтобы немного отдышаться. Дверь была наполовину открыта, поэтому Хонда заглянул внутрь, но признаков человеческого присутствия не обнаружил.

– Простите... – обратился он в сторону узкой лестницы, ведущей на второй этаж.

Позвал и закашлялся. Позвал еще раз. Наверху раздался скрип: похоже, отодвинули стул.

– Сейчас.

Сверху выглянул подросток в спортивной майке без рукавов.

Хонда немедленно обратил внимание на то, что в волосы у него воткнут лиловый цветок. Как будто гортензия. Мальчишка сразу же выдернул цветок, и тот скатился по лестнице к ногам Хонды. Было понятно, что он напуган. Может быть, тем, что забыл о цветке в волосах. Хонда, подобравший цветок, обратил внимание на то, что лиловый венчик изъеден, лепестки потемнели и увяли.

Кэйко, так и не снявшая сомбреро, наблюдала за этим из-за плеча Хонды.

На лестнице было темновато, но можно было заметить, что у подростка бледное красивое лицо. Он заслонял собой падавший из комнаты свет, но почти неестественная бледность его лица, казалось, сама была источником света. Хонда, якобы для того, чтобы вернуть цветок, спокойно, но на всякий случай держась рукой за стену, стал подниматься по крутым ступенькам. Подросток спустился до половины лестницы, чтобы взять цветок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.